

ЗА ПОБЕДУ! АЛЕКСЕЙ МАХРОВ

**СПАСИБО ДЕДУ
ЗА ПОБЕДУ!**

**ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА
О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

Алексей Михайлович Махров
Спасибо деду за
Победу! (сборник)
Серия «Лучшая фантастика
о Великой Отечественной»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41993790

Спасибо деду за Победу!: Эксмо: Яуза; М.; 2019

ISBN 978-5-04-101098-0

Аннотация

«Спасибо деду за Победу!» – легко благодарить последних ветеранов через 70 лет после войны. А каково самому оказаться на их месте?

Вступившись за старика-ветерана, ограбленного отморозками-гастарбайтерами, наш современник получает удар в затылок и теряет сознание – чтобы очнуться в июне 1941 года в горящем разбомбленном эшелоне подо Львовом.

Как ему выжить на Западной Украине, встречавшей гитлеровцев хлебом-солью, и спасти попавшие в окружение семьи комсостава? Поможет ли боевой опыт Приднестровья и Югославии, где он сражался добровольцем, в партизанской войне против немцев и украинских нацистов? Удастся ли «попаданцу»

изменить ход истории и предотвратить разгром мехкорпусов
Красной Армии в величайшем танковом сражении под Дубно?..

Содержание

Спасибо деду за Победу!	6
Пролог	7
Глава 1	15
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	62
Глава 5	81
Глава 6	88
Глава 7	107
Глава 8	120
Глава 9	139
Глава 10	152
Глава 11	176
Конец ознакомительного фрагмента.	183

Алексей Михайлович Махров Спасибо деду за Победу!

© Махров А.М., 2019

© ООО «Издательство «Яуза», 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Приношу свою благодарность моим друзьям Борису Орлову и Андрею Туробову за неоценимую помощь при написании этой книги

Спасибо деду за Победу!

Приношу свою благодарность моим друзьям Борису Орлову и Андрею Туробову за неоценимую помощь при написании этой книги

Пролог

– Пойми, Игорек, мне не так обидно, что избили, что ограбили, но награды... Ты понимаешь? Они унесли мои награды! Так прямо вместе с пиджаком и забрали! – В глазах старика стояли слезы.

Я заскрипел зубами от злости. Мой родной дед – Игорь Петрович Глейман, задрав рубашку, показал жуткие черные кровоподтеки на теле, оставленные кулаками и ботинками подонков, решивших обогатиться за счет беззащитного восьмидесятилетнего старика. Им досталась «огромная» сумма – семь тысяч рублей, много денег дед с собой на дачу не брал. Так... прикупить свежего молочка и хлебушка, что ежедневно развозит по участкам молодой предприимчивый фермер из соседней деревни, построивший на своем подворье образцовое хозяйство по европейским стандартам, включавшее небольшой молокозавод и мини-пекарню.

– Так какого черта ты с собой медали потащил? – раздраженно спросил я деда.

Эмоции искали выхода, мне стоило большого труда сдерживаться, чтобы не заорать на старика, перевалив на него часть вины за произошедшее.

– Так, понимаешь, Игорек, меня попросили в Полбино на празднике выступить, – виновато опустив голову, пробормотал Игорь Петрович. – Двадцать второго июня... Ну, как

праздник... Обычное отмечание годовщины начала войны.

– Да, блин, каким ветром тебя туда занесло? – удивился я. Полбино – небольшой поселок в десяти километрах от нашего дачного товарищества. Я там и был-то всего пару раз – ездил туда за питьевой водой несколько лет назад, когда после развода с женой больше месяца жил на даче. Что тогда, что сейчас – вода на участках годилась только для технических целей. А покупать бутилированную водичку в нашем магазинчике оказалось несколько накладно, в поселке же имелась артезианская скважина, доступ к которой никто не ограничивал.

– Директор местной школы – мой бывший ученик. Вот он и попросил, чтобы я выступил на митинге перед учащимися и их родителями, – терпеливо объяснил дед.

– Ладно, я понял, – вздохнул я. Понятно, что старик не виноват – и не хрен срывать на нем злость. Лучше найти тех, кто это сделал и... Там решу, что с ними делать!

– Ты их запомнил? Сможешь описать? – спросил я, не особо надеясь на положительный ответ – нападавшие были сезонными рабочими (по крайней мере, так они представились при первом знакомстве) из Узбекистана. Мало того что они все на одно лицо, так и искать их можно до ишачьей пасхи – перекасти-поле, сегодня здесь, а завтра в ста километрах отсюда. Московская область большая...

– Ну, описать... это вряд ли, а вот показать – могу! – огорошил дед.

– Показать? У тебя фотки есть?

– Нет, какие фотки? Что ты?.. Просто они на постой у Жени Шлявера встали – на дальнем конце участков.

– И он их впустил? – поразился я.

– Не могу сказать... Я его самого не видел, но ЭТИ сказали, что впустил! Они там уже неделю живут. Каждый день участки обходят, работу предлагают. А наш председатель молчит. Мы уж хотели милицию вызвать, но как-то повода не было – они вроде не шумели, вели себя прилично. Хотя сосед говорил, что видел, как они воруют какой-то хлам с пустых участков. А таких в товариществе хватает – по будням у нас три четверти домов пустует.

– И ты хочешь сказать, что уже целую неделю в нашем дачном поселке поселились полдесятка узбеков и никто на это не реагирует? Можно подумать, что мы в каменном веке живем и мобильные телефоны не существуют в природе? Ты не мог мне раньше позвонить? Я бы еще тогда приехал!

– Понимаешь, Игорек... Ну не казались они опасными! – с отчаянием в голосе крикнул старик. – Обычные гастарбайтеры! Забитые, всего боящиеся! И потом... Такие бригады живут на участках каждый год – делают дачникам мелкий ремонт или еще что... землю на огородах копают. Берут недорого, работают хоть и не очень качественно, но на безрыбье...

– Ага, забитые... – горько усмехнулся я. Мне ли не знать – я работал инженером на стройке и каждый день сталкивал-

ся с уроженцами Таджикистана и Узбекистана. – А забили, в результате, тебя! Ты, кстати, ментов... тьфу! То есть полицейских вызвал?

– Как сказать... – снова вздохнул дед. – Позвонить – позвонил! Они сказали, что как только экипаж ППС освободится – они подъедут... Вот... До сих пор едут – третий день пошел!

– Погоди-ка! Я понимаю, что здесь область, а не Москва, но как-то странно они реагируют... Ты что им сказал?

– Что пришли узбеки и ограбили меня, – недоуменно пояснил дед. – Что я еще мог им сказать?

– И про сумму сказал?

– Конечно! Они так прямо и спросили: сколько денег было украдено. Я сказал: семь тысяч рублей. И про награды сказал, но они на это, по-моему, вообще внимания не обратили.

Собственно, большая часть дедова «иконостаса» – юбилейные медали. Настоящих наград было всего две: орден Отечественной войны второй степени и медаль «За взятие Берлина». Игорю Петровичу, сыну командира Красной Армии, было в 1941 году шестнадцать лет. И следующие два года он провел на оккупированной врагом территории, попав в июне под бомбежку вместе с эшеленом, на котором вывозили из прифронтовой полосы детей комсостава. Некоторое время считался бойцом партизанского отряда, но особых подвигов совершить не успел – зимой того же сорок первого заработал тяжелую форму дистрофии и обморозил

ноги. Отряд скрывался от свирепствующих карателей в глухом лесу. Продовольствие кончилось через две недели, а посланные на его добычу группы не вернулись. Питались корой деревьев... С тех пор у деда проблемы с сердцем. Однако из отряда его не выгнали – Игорь Петрович великолепно владел немецким языком. По той же причине его, невзирая на выявленную сердечную патологию и белый билет, взяли добровольцем на военную службу после освобождения оккупированной территории. Впрочем, не подай он заявление на имя Михал Иваныча Калинина, всесоюзного старосты... Восьмое по счету заявление – предыдущие канули в недрах военкомата. Оставшееся до Победы время дед трудился переводчиком при штабе танкового корпуса. В штыковые не ходил, но орден, в статуте которого написано: «...награждаются военнослужащие, которые своими действиями способствовали успеху боевых операций наших войск», заслужил честно.

– Теперь понятно... – понимающе кивнул я. – Сумма незначительная, твои награды для них – вообще пустой звук, подозреваемые – гастарбайтеры, которых хер найдешь... Вот они и решили «глухаря» на себя не вешать... Типа: отлежится дедушка и забудет про эту ерунду. Или ты про избиение ничего не сказал?

– Да, про то, что меня избили, не упомянул, – пожал плечами старик. – Не счел нужным...

– Тогда – тем более ты ментам неинтересен! Ладно, сами

разберемся! Как ты хотел мне их показать?

– Они так и живут на участке Шлявера!

– Что?! Постой... Так уже три дня прошло, а они...

– Четыре! – поправил дед. – Сосед их буквально сегодня утром видел.

– Блядь! Это или невиданная наглость, или запредельная глупость! – я решительно вскочил со стула. – Пошли, покажешь!

– Игорек! Но их там пятеро!

– Тогда ты подождешь за забором! – решительно отрезал я. – Просто покажешь участок и больше не будешь вмешиваться! Ну, двинулись!

Игорь Петрович, не пытаясь больше спорить, с трудом поднялся и, опираясь на палку, заковылял к двери. Раньше он обходился без трости, но после избиения...

– Твари! Вы мне заплатите! – скрипнув зубами от вновь накатившей волны ярости, пробормотал я.

Мы неторопливо (дед просто не мог быстро идти) вышли за ворота и сели в мою машину, которую я не успел загнать на участок. Путь был относительно неблизкий – участок Шлявера находился на противоположном конце дачного товарищества. А это почти восемьсот метров по прямой – для пешей прогулки с восьмидесятилетним стариком многовато. А вот на колесах – пара минут.

Подъехав к указанной дедом даче, я сразу увидел на крыльце неказистого деревянного домика пару фигур. И

правда гости с востока – пара загорелых мужичков неопределенного (между тридцатью и пятьюдесятью годами) возраста.

– Они? – обернулся я к деду.

– Точно они! – кивнул Игорь Петрович. – Вот тот, в красной бейсболке, меня ногами бил, а второй руки выкручивал.

Я вышел из машины и толкнул калитку. Оба узбека, испуганно посмотрев на меня, поспешили скрыться в недрах домика.

– Ну, козлы, вешайтесь! – решительно пересекаю заросший бурьяном участок.

Вообще-то я не супермен. И не спецназовец, даже бывший. И не имею черного пояса карате или ушу. Да, я воевал... Но давно, почти двадцать лет назад – после срочной службы в рядах Советской армии меня мотало по горячим точкам. Приднестровье, Карабах, Югославия... С тех пор неплохо стреляю (и регулярно повышаю квалификацию тренировками в тире и на охоте), хотя снайпером не стал, но вот рукопашник из меня слабенький. Могу пробить пару хорошо отработанных связок – и все. От хулиганов отмахаться – хватает. Жаль, конечно, что дед толком не объяснил причину срочного вызова на дачу – я бы ружьишко свое охотничье прихватил. Или гранату у друзей попросил... Закатить в дверь эргэдэшку, а потом ворваться с матом... Участие в боевых действиях не делает человека крутым супербойцом, но заставляет стать предельно осторожным в вопросах, касаю-

щихся безопасности. И при других обстоятельствах я бы никогда не полез в незнакомое помещение с неизвестным количеством противников в нем. Но сейчас... Злость черными волнами клокотала внутри. Казалось – порву этих тварей голыми руками. Да и «враги» – представители хорошо известного типажа людей, которые храбростью не отличаются. И их первая реакция на наш приезд только подтвердила мою решительность. Эх, мне бы еще пару десятков лет сбросить...

– Эй, уроды, выходи! – поднявшись на крыльцо, открываю дверь ногой. Домишко вздрагивает от удара.

В небольшой комнате – никого. Стол завален грязными тарелками и объедками. Стоящие вдоль стен кровати покрыты разнообразным тряпьем. А запах... Трехдневные портянки благоухают ароматней! Так, а где обитатели притона? Выпрыгнули в окно?

Краем глаза замечаю за правым плечом движение, но отреагировать не успеваю – боль взрывается в затылке яркой вспышкой белого пламени. А потом мрак поглощает сознание и последнюю мысль: «Бля, как обидно!»

Глава 1

Показалось, что в сознание я пришел довольно быстро – и пары секунд не прошло. А значит, еще успею избежать непоправимых последствий своей неосторожности.

Не успев толком открыть глаза, перекатываюсь вперед, подсознательно готовясь удариться о стоящий посреди комнаты стол. Но ничего похожего мне на пути не попадается, и я продолжаю катиться дальше, остановившись метров через пять. Только сейчас до меня доходит, что подо мной не дощатый пол, а земля. Причем с большим вкраплением щебенки, которая ощутимо впивается в бока.

Это что же? Времени прошло больше, чем мне показалось? И эти козлы успели вытащить меня из домика? Глаза... Глаза почему-то не открываются – залеплены чем-то липким. Начинаю судорожно их тереть, и, (о, чудо!) через несколько секунд, каждую из которых я ожидал нового удара, зрение частично восстанавливается. Я действительно лежу на земле. Причем это явно не двор дачи Шлявера – там бурьян по пояс, а здесь травы почти нет, зато в изобилии пыли и мелких камней. А рядом видна какая-то насыпь, очень напоминающая...

Вот это да! Оказывается, я валяюсь возле полотна железной дороги! Это на хрена они меня сюда оттащили? Хотели положить на рельсы и имитировать несчастный случай? По-

хоже... Только вот не вышло – вон те люди вмешались, что сейчас сюда бегут. И их много – несколько десятков. Однако как-то странно они бегут – словно за ними черти гонятся. И люди странные... Не могу понять, в чем дело, но... нечто в них кажется чужеродным... Одежда? Пожалуй! Какая-то она... старомодная! И почему они бегут, не издавая ни звука? Даже топота не слышно!

Ага, так это не они не шумят, а я ничего не слышу! Вижу, как странные люди раскрывают в крике рты, но в моей голове стоит ровный легкий гул. Может, у меня и уши, как глаза, чем-то забило? Начинаю ковырять их сразу обеими руками... Слух возвращается рывком – словно где-то повернули выключатель.

Вокруг царит жуткая какофония: орут люди, грохочут выстрелы, доносятся взрывы, скрежещет раздираемый металл. Причем я понимаю: кричат не только от страха, но и от боли, уж такие вещи я научился различать хорошо. И выстрелы не похожи на автоматные – скорострельность гораздо выше. Так может звучать авиационный пулемет.

Люди пробегают мимо меня, не пытаясь помочь. Они явно охвачены паникой. Перевожу взгляд на источник их ужаса – в сотне метров от меня на рельсах полыхает пассажирский поезд. Паровоз полностью разворочен взрывом, часть разноцветных вагонов превратилась в обугленные остовы.

Погоди-ка, а почему паровоз? И почему вагоны разноцветные? И что это за рев моторов наверху, как будто по небу

проносится банда байкеров на мощных мотоциклах?

Поднимаю голову – надо мной пролетает легкий самолет непривычных очертаний. Едрить! На крыльях и вертикальном киле отчетливо видны кресты. Немецкие... как в фильмах про войну. Ага! Кусочки удивительной головоломки, обрушившейся на меня сразу после возвращения сознания, сходятся – так здесь снимают кино!

Осталось только понять, что я делаю на съемочной площадке. Не вставая с земли, неторопливо осматриваюсь. Ну, торопиться мне вроде как некуда – прямой угрозы жизни со стороны злобных гастарбайтеров не наблюдается. А если вдруг резко вскочу, то ведь могу и кадр испортить. Или как это у них называется? Люди старались, такие спецэффекты подготовили, пиротехники тонну сожгли, макет поезда – прямо как настоящий – сделали, а я им подгажу? Нет, прикинусь трупом. Полежу полчаса – они сцену отснимут, перерыв объявят, вот тогда и примусь за выяснение обстановки. И первый вопрос: как я сюда попал? Откинувшись на спину, с интересом гляжу по сторонам. Гм... а где съемочная группа? Я как-то раз присутствовал на съемочной площадке – снимался в массовке по молодости лет, так там обслуживающего персонала было как бы не больше, чем статистов. А здесь... никого нет! Ни режиссера, ни оператора, ни осветителей и прочих техников. Не скрытыми же камерами они снимают? В этот момент над горящим поездом вновь появился легкий самолетик. Так это, наверное, и есть «Мес-

сершмитт»! – догадался я. Приходилось видеть его в кадрах хроники. Помню, что номер у него «Бэ Эф-109». Наши летчики его «худым» называли. Понятно, из-за чего – фюзеляж узкий. Еще помню, что вроде бы были какие-то модификации, названные собственными именами... Фридрих, Эмиль... еще что-то... Но как их различать – не знаю.

И вот этот самый «Мессершмитт БФ-109» (Фридрих, Эмиль или хер его знает чего!) зашел в хвост состава и пронесся над ним на бреющем, строча из пулеметов. Из горящего макета «мягкого» вагона выскочила статистка в белом платье, угодившая аккурат под одну из очередей. Женщину почти порвало на куски. Вероятно, в нее попало сразу несколько пуль – зрелище жуткое. Словно лопнул наполненный красной краской воздушный шарик. Да, в кино бывает всякое... но что-то кольнуло мое подсознание.

Что? Запах! Мне ли не знать его – вокруг пахло как на самой настоящей войне! Сгоревшая взрывчатка, пороховой дым, кровь – в сумме дают неприятную смесь. Даже если здесь для сугубой достоверности используют вместо краски настоящий медицинский кровезаменитель... Который ничем не отличается от настоящей крови... Как-то оно все... чересчур! И пугающая натуралистичность съемок – при отсутствии съемочной группы.

Самолет пронесся так низко, что я явственно разглядел за стеклом фонаря кабины лицо пилота. Он улыбался! Нет, все-таки это кино – ведь нельзя расстреливать людей и улы-

баться. Или можно?

В хвост состава зашел еще один истребитель. В какой-то момент я вдруг увидел в десяти-пятнадцати метрах впереди несущуюся ко мне со страшной скоростью «строчку» дымно-пылевых фонтанчиков. Едва успел подумать, что если сейчас подо мной вдруг рванет пиротехнический заряд, имитирующий попадание в почву тяжелой пули, мало не покажется, и тут же мимо меня что-то вжикнуло, тело окатило горячей волной. Да мать же вашу! Они для пущего эффекта лупят боевыми? Ведь сейчас рядом явно пролетел кусок раскаленного свинца!

Все чувства просто вопят: Игорь! Ты под обстрелом! Укройся! Но сознание устало цепляется за «простое» объяснение невероятного: это всего лишь кино, кино... Кино? Да мне чуть ногу не оторвало! Ногу? В смысле – мою ногу? Потому как то, что я вижу, – это не моя нога! Фиг с ним, что пропали джинсы и летние туфли, замененные на какие-то полотняные брюки и ботинки со шнуровкой. Но ноги, растущие из моей жопы, – не мои! Они худые и длинные! Я быстро подношу к глазам руки. Ах, черт: и руки – не мои! Кисти тоньше, на правом предплечье нет привычного шрама – следа осколочного ранения. Быстро ощупываю себя: и тело – не мое! Худощавое тело подростка, а не грузное тело сорокапятилетнего мужчины!

Нет! Это все – глюки! На самом деле мне проломил башку гастарбайтеры, и я лежу в больнице под капельницей. С

этой мыслью сознание милосердно покидает меня, окутывая напоследок черным покрывалом.

Глава 2

Во второй раз я очнулся от того, что по лицу ползала муха. И не одна. Отогнав их взмахом «чужой» руки, приподнимаюсь на локте и осторожно оглядываюсь. Судя по положению солнца, прошло всего полчаса. Ну да, точно – вагоны все еще горят. А вокруг них бродят люди. А чего это они такие... сторбленные? Так они же тела рассматривают! Ищут родных и знакомых. Или просто раненых. Телами усеяна вся насыпь. Доносятся стоны и детский плач. Как-то не очень похоже на перерыв после съемок, не правда ли?

С трудом поднявшись, поковылял к разгромленному поезду. По пути буквально пришлось перешагивать через трупы. Много трупов. Десятки, если не сотни. И они были самыми настоящими, а не бутафорскими. У многих оторваны конечности и головы, разорваны тела, вывернуты наружу кишки. Пахло гарью, кровью, вокруг вились мириады невесть откуда взявшихся мух.

Я уже понял, что нахожусь очень далеко от дачного поселка, но все-таки зачем-то продолжал искать всему происходящему рациональное объяснение. И не находил! Окончательно мои сомнения развеял взгляд женщины, сидевшей возле окровавленного трупа маленькой девочки. Такое горе не сыграешь.

Это не кино! Я непонятным образом очутился в месте,

где самолеты, похожие на немецкие, убили несколько сотен человек. В основном – женщин и детей. Мужчины мне на глаза не попадались.

Поправка! Возле развороченного бомбой паровоза лежал человек в военной форме. Вернее, в чем-то, напоминающем военную форму. По цвету вроде хаки, но с непонятным песочным оттенком. И без погон. Обутый не в сапоги, а в ботинки. Поверх ботинок – до самого колена – ногу обвивали матерчатые ленты. Половина головы у солдата отсутствовала, но зато в метре от обрубка лежала... пилотка с красной звездочкой. Я наклонился и подобрал – точь-в-точь, как у наших бойцов... в фильмах про войну! И эти ленты на ногах... Обмотки! Точно, так они и назывались. Я оглянулся по сторонам, уже догадываясь, что увижу. Ага, вот и она! Неподалеку лежала трехлинейка. Доковыляв до оружия, я поднял винтовку и бегло осмотрел. В Югославии мне доводилось держать в руках множество самых разных стволов, вплоть до экзотических. Из многих удалось пострелять, а некоторые даже собрать-разобрать, удовлетворяя любопытство. Так что я прекрасно знал, как должна выглядеть обыкновенная русская винтовка. Это была самая настоящая мосинка. Практически новая – ни одной царапины на стволе и ложе. Машинально открываю затвор – магазин полон патронов, не похожих на холостые – видны остроносые головки пуль. Зачем-то досылаю, направляю ствол вниз, жму на спусковой крючок – грохает выстрел, на который испуганно оборачиваются бро-

дящие вокруг люди. Патроны боевые – в земле образовалась аккуратная дырочка.

Значит, все вокруг действительно настоящее?!!

Что-то мне опять поплохело. Не выпуская винтовки из рук, присаживаюсь на обломок шпалы. Во рту пересохло, но где взять воды? Так вот же – на поясе солдата висит фляга. Отцепляю и, мимолетно подивившись дизайну (фляга оказалась не алюминиевой, а стеклянной!), делаю большой глоток. Твою мать! Это водка! Но это же к лучшему! Делаю еще один глоток. Ну вот – теперь можно трезво обдумать ситуацию.

А получается настоящая херня – я в чужом теле, а вокруг – война. И если второе могло получить хоть какое-то рациональное объяснение (увезли в другую страну на другом континенте), то первое обстоятельство вообще не поддавалось разумному осмыслению. Внимательно смотрю на свои (чужие!) руки. Так они еще и в кровище! Где это меня угораздило? Ах да! Это я глаза протирал – теперь понятно, что за липкая жижа мне смотреть мешала. А откуда кровь? Аккуратно ощупываю голову – чуть выше линии роста волос обнаруживается нечто, напоминающее засохшую рану. Довольно большую – в палец величиной. Похоже, что чиркнуло осколком, – рана хоть и глубокая, но узкая – края закрылись и запеклись. Повезло...

– Мальчик, это ты сейчас стрелял? – спрашивает тихонько подошедшая седая женщина.

Я мальчик? Опаньки! Эх, мне бы зеркальце – на рожу свою новую глянуть! На сколько лет я помолодел?

– Да, – вежливо отвечаю. – Видите ли, мне показалось, что оружие неисправно, вот и пришлось проверить.

– Хорошо! – Взгляд женщины становится равнодушным. – А мне подумалось – ты с ума сошел, раз в землю стреляешь... Ты ходить можешь? Если можешь – помоги собрать и перевязать раненых.

– Конечно! Только передохну немного – а то я хоть и хожу, но с трудом! Видимо, сотрясение мозга.

– Ты разбираешься в медицине? – в равнодушных глазах женщины вспыхивает надежда.

– Нет, к сожалению, с чего вы взяли?

– Ты употребил медицинский термин!

– Сотрясение мозга? Но чтобы понять это, необязательно быть врачом. Однако хоть я и не врач, но повязку наложить смогу.

– Хорошо! – повторяет женщина, и ее глаза вновь становятся равнодушными. Она медленно и тихо уходит, по пути разглядывая все лежавшие вокруг тела. Но живых поблизости нет.

Она уходит, а я продолжаю сидеть. Сделав еще глоток из фляжки, вдруг соображаю: мы разговаривали по-русски. Значит, вокруг как минимум не Южная Америка. Но вроде бы ни в одной русскоговорящей стране сейчас не воюют? Так, может, это не война, а... нападение террористов? Угу,

террористы на антикварных самолетах... А им противостоят реконструкторы с трехлинейками.

– Игорь? Глейман? Ты живой?

Это кто меня зовет? Ко мне быстро шагает высокий худощавый парень лет шестнадцати-семнадцати на вид. На нем просторные светлые штаны и рубашка с коротким рукавом. Когда-то белая... На лице – улыбка. Рад меня видеть?

– Откуда ты меня знаешь?

– Игорь, ты чего? – Парень, огорошенный вопросом, неуверенно останавливается в паре шагов. – Ой! Ты ранен? Я посмотрю!

И он бесцеремонно хватает меня за подбородок, задирает голову и начинает осматривать рану. Приходится освободиться от его рук. Возможно, я делаю это излишне резко. Парень снова ойкает и отскакивает.

– Ты чего? Что с тобой? Обиделся, что я в лес убежал, а тебя возле поезда бросил? Прости! Сам не знаю, что со мной случилось, – видел, что ты упал, а остановиться не смог!

И он вдруг зарыдал, закрыв лицо ладонями.

– Эй! – Я осторожно тронул его за локоть. – Я тебя прощаю! Убежал и убежал... Вот только скажи мне: откуда ты меня знаешь?

– Так ты... Так ты меня не помнишь? – всхлипывая, парень заглянул мне в глаза, чтобы убедиться, что я не шучу. – А-а-а, понял... Тебя ведь в голову ранило! И ты, наверное, память потерял, да? Совсем-совсем меня не помнишь? А мы

ведь две недели в соседних квартирах прожили!

– Где это мы рядом с тобой жили? В Южном Бутово?

– Где? Нет, не там. В военном городке стрелковой дивизии. Я Миша. Миша Барский. Сын майора Сергея Ивановича Барского, начальника штаба полка.

– А я тогда, по-твоему, кто?

– Ты Игорь Глейман. Сын подполковника Петра Дмитриевича Глеймана, командира полка.

Ептыть! Это я, что, – в теле деда очутился? Осталось выяснить только одно...

– Какое сегодня число?

Миша от неожиданности икнул.

– Двадцать пятое. Двадцать пятое июня.

– На хер подробности! Год! Какой год?! – рывкнул я.

– Сорок первый! Тысяча девятьсот сорок первый.

Ну, все... Я попал... Ровно шестьдесят пять лет назад (или вперед?) я приехал к деду на дачу. Так что, мать вашу, произошло? Перенос сознания через время и пространство? Мелькнула мысль: хотел молодость вернуть – на! Получи и распишись! На тридцать лет помолодел!

Чтобы помочь мозгу в осознании этого дикого факта, я сделал большой глоток из фляги, которую так и держал в руках. Водка пошла по пищеводу горячей волной и бомбой рванула в пустом желудке. Если учесть, что глоток был не первый... Мне явственно захорошело.

– Эй, ты что делаешь? Водку пьешь? Как ты можешь? Ты

ведь комсомолец! – вдруг возмутился Миша.

– Это не водка, это протившоковое средство! – отмахнулся я. – Практически лекарство. На, хлебни. Тебе тоже будет полезно!

Но Барский отскочил, словно я совал ему в лицо горсть собачьих экскрементов. Ну, вольному воля, а мне больше достанется.

Однако пора завязывать с рефлексиями. Я в прошлом, и это факт. Есть, конечно, некоторая вероятность, что все вокруг – красивые цветные глюки, но из-за этой вероятности сидеть на месте и предаваться философским размышлениям о сущности бытия я не буду. Надо действовать! О чем просила та тетка? Найти и перевязать раненых?

Я решительно встал и огляделся, впервые совершенно реально, а не как съемочную площадку, оценив место, где произошел перенос. Фашистские стервятники были опытными и хорошо выбрали место для атаки – состав остановили посреди большого пшеничного поля. Вначале поработали бомбардировщики – вижу несколько воронок от крупнокалиберных, не менее двухсот пятидесяти килограммов, бомб. Они то и разнесли паровоз и вагоны. И кинули еще десяток «гостинцев», когда народ начал разбегаться. А потом тех, кто уцелел, проштурмовали истребители. Совместно эти гады собрали богатый урожай... Оба откоса насыпи усыпаны телами. Лежали они и дальше – метров на пятьдесят в обе стороны. Хлебные колоски – слабая защита от пуль и осколков.

Никаких укрытий, кроме небольшого лесочка, почти рощицы, просматриваемого насквозь, в окрестностях не наблюдалось. От паровоза до него было около пятисот метров. Похоже, что, когда меня «накрыло», дед бежал именно туда. Сейчас из этого леска тянулась редкая цепочка людей. Видимо, тех, кто имел счастье добежать. Основную часть возвращающихся составляли девчонки и мальчишки от десяти до шестнадцати лет, но я заметил среди них несколько девушек постарше. Навскидку, без точного подсчета, здесь погибли или получили ранения не менее четырех сотен человек. И около двухсот остались на ногах.

Какими тварями нужно быть, чтобы расстрелять полтысячи человек? Гражданских. Неужели с бреющего они не увидели, что в поезде нет солдат, а только женщины и дети? Не верю – близоруких в авиацию не берут. Все они видели и действовали совершенно осознанно. Я вспомнил улыбку пилота... Ну, суки... Поймаю – по кусочку буду отрезать, пока мясо на костях не закончится. И это, блядь, не метафора – я именно так и сделаю!

– Ладно, пошли раненых собирать!

Следующие три часа прошли словно в бреду. Да, мне приходилось принимать участие в боевых действиях. Я терял друзей, сам был ранен. И думал, что уже привык к крови. Но здесь... словно прошлась коса смерти – мы находили тела без голов, с оторванными руками, ногами, вырванными внутренностями. Детские тела... И что страшней всего

– некоторые детишки, получив кошмарные ранения, до сих пор живы и мучаются от жуткой боли. Господи, если ты есть, как ты допустил такое?

Постепенно вокруг меня образовался небольшой кружок – два десятка парней и девчонок. Как-то так вышло, что я сумел быстро организовать поиск, сортировку и оказание первичной помощи раненым. Неудивительно – раз уж на стройке мне удавалось добиваться созидательной деятельности от толпы бестолковых, плохо понимающих русский язык таджиков, то распределить обязанности среди жен и детей военных, хоть и пребывающих в шоковом состоянии, оказалось несравненно проще.

Собрав всех раненых и перетащив их поближе к полотну железной дороги, мы устало присели рядом с разбитым паровозом. Всего нашли сто восемьдесят шесть человек, из них больше половины – тяжелые. И около двадцати детей просто обречены – помочь им смогло бы только немедленное прибытие реанимационной бригады из двадцать первого века.

Жутко хотелось пить. Солнце немилосердно жарило с небосвода. Отличная летняя погода. Как бы воздушные пираты еще раз не наведались. Для проверки...

– Слушай, Миша, а что мы вообще тут делаем?

– Так это... нас эвакуировали. Семьи комсостава дивизии.

Да, все как рассказывал дед. И если дело и дальше пойдет тем же манером, то до своих нам не добраться... Так и застряну здесь до сорок третьего года.

– Что будем делать? – спросила темноволосая девушка в очках. Она оказалась студенткой-медиком и здорово помогла с перевязками. Звали ее Марина. – Без врачей, без медикаментов, без перевязочного материала половина раненых не доживет до следующего утра!

– Надо идти за помощью! – сообразил я. – Где здесь ближайшая станция?

– Не знаю! – растерянно ответил Барский.

– Но мы ведь что-то проезжали? Город, село, полустанок? Как давно?

– А-а-а... утром! – почесывая затылок, с трудом припомнил Барский. – Мы как раз встали и умылись, а тут паровоз встал на какой-то станции – воды налить. И мы еще там возле платформы яиц, сала и свежего хлеба к завтраку купили.

– Так, уже лучше! Вспоминай дальше! Сколько прошло времени после проезда станции до начала налета?

– Э-э-э... Часа три! – снова прибегнув к «непрямому массажу головного мозга» посредством почесывания в затылке, ответил юноша.

– Так, если даже с минимальной скоростью плелись, то эта станция далеко. Километров тридцать-сорок, не менее. А помощь нужна быстро! Никаких будок на переездах не проезжали? Ну, такие... со шлагбаумом?

– Точно! Было такое! – сразу вспомнил Миша. – И вроде недалеко! Километра три отсюда. Может, четыре или пять.

– Угу... Или шесть... – кивнул я. – А выехали мы когда?

– Так... вчера ближе к вечеру!

А вот это плохо! Это означает, что мы все еще в опасной близости от границы. И достать нас могут не только самолеты, но и танки. Я небольшой знаток истории, но из школьного курса помню – в июне сорок первого немцы прорывались на очень значительные расстояния. Вроде бы Минск захватили через несколько дней после начала войны. А он чуть ли не в сотне километров от границы! Значит, нам надо быстро собирать раненых и сваливать отсюда! Или по крайней мере как-то укрыть всех уцелевших до подхода помощи. Потому что без транспорта далеко не уйти. Далеко ли пронесут на своих плечах эти мальчики и девочки носилки с ранеными? Пусть даже такими же детьми. Да и носилки еще предстояло сделать. Итак, первым делом – эвакуация с этого поля. Надо объяснить уцелевшим, что делать, а самому идти на переезд. Там обязательно должен быть телефон. Ну, начнем...

– Эй, народ! – Я встал и оглядел «свою» группу. На меня смотрели два десятка пар глаз. – Товарищи! Слушайте меня внимательно! Здесь находится опасно! Самолеты могут вернуться. Нужно срочно унести раненых в рожицу! Убитыми займемся позже, сперва позаботимся о живых!

– А ты уверен, что это необходимо? – возразила какая-то женщина. – Раненых нельзя таскать с места на место. Это может им навредить. Не лучше ли остаться здесь? Наверняка нам скоро окажут помощь.

– Простите, гражданочка, но я очень сомневаюсь, что ес-

ли мы не почешемся, нам кто-нибудь поможет! Мы здесь уже четыре часа, а до сих пор никто не поинтересовался: а почему не пришел на станцию литерный поезд? Неужели вы думаете, что, случись такое в обычное время, мы бы так и сидели у сгоревшего состава и перевязывали детей разорванными рубашками? И, кстати, за все утро по этой ветке не прошел ни один эшелон. Ни на запад, ни на восток! Наверняка что-то случилось! Может, немцы прорвались...

– Ты панику не разводи! – неожиданно вскочил невысокий крепенький паренек, до того смотревший мне в рот и буквально исполнявший все команды. – Да я тебя!..

– Заткнись! – Я беззлбно ткнул парня кулаком в живот. Он пискнул и сложился пополам.

– Ну зачем ты так? – вступилась за него Марина, машинально прикрывая пострадавшего собой. – Колька погорячился, а ты сразу драться...

– Сейчас некогда играть в игры «кто больше Родину любит»! Надо реально оценивать обстановку и спасти людей! – разъяснил я. – Начинайте переносить раненых в рощу. Ты, Марина, за старшего! А мы с Михаилом прогуляемся до переезда.

Больше со мной никто не спорил. Проследив, чтобы процесс подготовки к эвакуации не заглох на первых минутах, мы отошли в сторонку. Попутно я подобрал давешнюю винтовку. Так, а патроны? Пришлось переворачивать убитого бойца и снимать с него ремень с двумя кожаными патрон-

ташами. Сорок патронов... Немного, но при умелом обращении – вполне достаточно. Да и трехлинейка сама не позволит быстро расходовать боеприпасы – не пулемет, поди. Опоясавшись, я на всякий случай обшарил карманы солдата. И стал обладателем кисета с махоркой, коробка спичек, двух пустых гильз, комсомольского билета на имя Петренко Осипа Макаровича, 1922 года рождения, и пластмассового шестигранного флакончика с квитком бумаги внутри. Не густо... Понятно, что портянки и смену белья Петренко хранил в рюкзаке. Или, как его здесь называют, «сидоре». Который наверняка остался в одном из сгоревших вагонов. А документы? Не знаю, должен ли быть у бойца «военник» или какая-нибудь красноармейская книжка, но командировочное удостоверение должно быть? Или справка из части? Иначе как он докажет, что не дезертир?

– Миша, а этот красноармеец был нашим единственным сопровождающим?

– Нет, их четверо было. С сержантом во главе! – после секундного размышления ответил Барский и оглянулся по сторонам, словно ожидая увидеть их где-то рядом.

– При сортировке погибших мы не видели людей в форме. Возможно, что они погибли, не успев выбраться из вагона?

Барский неопределенно пожал плечами. Ну, с бумагами теперь понятно – скорее всего отсутствующие сопроводительные документы находились у старшего по команде.

А каковы мои собственные ресурсы? Нужно провести ин-

вентаризацию имущества! Итак, что мы имеем?

Штаны парусиновые, одна единица. Когда-то светлые, ныне, после всех валяний по голой земле, переноски и перевязки раненых – непонятного цвета. Рубашка с коротким рукавом, заправлена в штаны (а не навывпуск, как у нас), изначально белого цвета. На груди, с левой стороны, – комсомольский значок и знак «Ворошиловский стрелок» второй степени. В нагрудном кармане – комсомольский билет. В нем фото молодого деда (почти один в один я в молодости). Что интересно: на первой странице билета всего два ордена, а в моем собственном, оставшемся в далеком будущем, как сейчас помню, было штук шесть. Это, получается, четыре ордена комсомол за Великую Отечественную получил? В кармане штанов – носовой платок, пятикопеечная монета необычного дизайна, два английских ключа на одном кольце, сложенная вдвое четвертушка бумаги с загадочной карандашной записью: «К-в. Евг. Ив. 5-22-47». На ногах – парусиновые ботинки с веревочной подошвой. Дед рассказывал, что их для пушего форсу натирали зубным порошком. Симпатично, но непрактично... Мне бы что-нибудь кожаное, да с нормальной подметкой, а то эта до первого дождя...

– Слушай, Миша, а где наши вещи?

– Ну... в чемодане, наверное... – пожал плечами Барский.

– А где чемодан?

– В вагоне! – Михаил поглядел вдоль состава. Я проследил направление его взгляда – целых вагонов не осталось.

– Ладно, почапали! Не хрен расслаживаться! – встаю и закидываю винтовку на плечо.

Глава 3

С расстоянием Миша погорячился – мы прошли почти десять километров, а переезда все не было. Местность не баловала разнообразием видов – широкие поля, засаженные различными сельхозкультурами, от гречихи до подсолнуха, перемежались небольшими рощицами, похожими на защитные лесополосы.

И при подходе к одной из таких рощ мы вдруг услышали выстрелы. Стреляли из винтовки одиночными. Стреляли спокойно и неторопливо. Размеренно. Так используют оружие, когда стрелку ничего не угрожает. Например, при расстреле безоружных.

Взяв трехлинейку на изготовку, я стал осторожно пробираться через лесок на шум. Мишку я по-человечески просил остаться на месте, но этот малолетний дурак все равно увязался со мной. Метров через сто мы увидели крышу какого-то строения, опознанного Барским как домик обходчика по запомнившейся примете – покосившейся дымовой трубе.

Удвоив осторожность, временами вообще опускаясь на четвереньки, мы с товарищем приблизились к самой ограде, оказавшейся невысоким, всего лишь по колено, штакетником, выкрашенным веселенькой зеленой красочкой. В целом небольшая изба и крохотный приусадебный участок производили приятное впечатление: домик аккуратно покрашен,

резные наличники радуют глаз, на окнах кружевные занавесочки. Даже собачья будка сияет свежей краской. На заднем дворе находится чисто символический огородик – десяток коротких грядок. Перед избушкой разбита круглая цветочная клумба.

И вот как раз вокруг нее сейчас топтались несколько человек. Точнее – пятеро военнослужащих. Разглядеть с расстояния в пятьдесят метров детали обмундирования я не мог, но спутать с чем-то характерные каски... Определенно это были немцы. Поодаль стоял мотоцикл с коляской и небольшой четырехосный броневик.

Немцы, весело горланя (правда, из-за дальности я не различал слов, но общий настрой оставался понятным), устроили фотосессию, центром которой являлось нечто, лежавшее посреди клумбы. Какой-то тюк с барахлом или мешок – плохо видно. Они, попеременно передавая друг другу фотоаппарат, щелкались на фоне этого странного объекта, принимая «героические» позы.

– Веселятся, гады... – Мне вдруг вспомнилась улыбка летчика, с которой тот расстреливал женщин и детей, и руки непроизвольно сжали винтовку.

С трудом подавив в себе желание выстрелить по ненавистным фигуркам в мундирах непривычной расцветки, я до крови закусил губу.

– Чего это они? – удивленно прошептал Барский. Он тоже не мог понять причину веселья.

– Да хер их, уродов, знает! – злобно прошептал я. – Что делать-то будем, Михаил? Явно ведь, что связи с начальством теперь не будет. И помощи мы не дождемся, раз уж эти твари здесь.

– Может, это десантники? Я слышал, что гитлеровцы часто десант на парашютах и планерах высаживают, – предположил Барский. – Вот сейчас наши подспеют и перебыют их!

– Ага, десант... – хмыкнул я. – Броневику с мотоциклом им тоже на парашютах сбросили? Похоже, что где-то прорыв, а эта группа – разведка или головной дозор. И уж больно беспечно они себя ведут... Или тупые, что сомнительно, или знают, что оказывать сопротивление здесь некому. В любом случае – надо срочно бежать к поезду и предупредить наших. Хотя... толку будет мало! У нас тяжелых больше сотни, а вывозить не на чем. Вот ведь жопа...

Я не стал договаривать, что в случае верности моей оценки ситуации все уцелевшие после бомбардировки обречены. Если даже сразу не убьют – концлагерь не самое приятное место на земле. Задумавшись над вероятными вариантами выхода из неприятной коллизии, я не сразу заметил, что фашисты прекратили фотографироваться и, подойдя к броневнику, что-то обсуждают. Похоже, что получили радиogramму – из башни торчала голова в пилотке с надетыми поверх наушниками. Этот тип, похоже командир, приказал своим грузиться. Трое залезли в машину, а двое отошли на несколько шагов.

Негромко стрекоча движком, броневичок укатил в сторону от железки, оставив на прощание небольшое сизое облачко выхлопа. Двое оставшихся солдат постояли пару минут, глядя вслед уехавшим товарищам, затем закурили и, тихо переговариваясь, пошли в сторону домика.

Блин, а ведь это шанс! Я огляделся по сторонам и, наметив две запасные позиции, прошипел Барскому:

– Я сейчас буду стрелять. Что бы ни случилось – ты должен лежать на месте. Иначе, если тебя немцы не убьют, я потом рожу разобью! Понял?

Миша угрюмо кивнул. Хорошо, что не стал препираться, не до того сейчас.

Целью в голову дальнему. Хотя это практически не имеет значения – второй ближе ко мне на пару шагов. Выстрел! Вот это удар – пробитая каска отлетает на три метра! Фашист оказался опытным – увидев смерть напарника, мгновенно, не потеряв ни одной секунды, бросился к ближайшему укрытию – домику обходчика. Молодец, на это я и рассчитывал! Впрочем, на случай если бы он растерялся, у меня имелся запасной план. Но раз уж все пошло, как намечено... Быстро меняю позицию – бегом, только слегка пригнувшись. С этой точки мне видна только часть фигуры противника, спрятавшегося за углом. Обозначаю свое присутствие (надо держать врага в напряжении) – стреляю в расплывающийся силуэт и, не дожидаясь результата, снова сломя голову бегу на третью позицию. Немец, выставив из-за угла ствол карабина, бабах-

нул куда-то в сторону залегшего Барского. То есть – по тому месту, откуда был произведен первый выстрел. Только бы Миша не запаниковал!

Уф! Добежал! Отсюда фасадная стена дома просматривалась как на ладони. И стоящий у крыльца немец представлял собой большую ростовую мишень. С такой дистанции я мог бить в любое место на теле, на выбор. А языки нам нужны? Нужны!

Выстрел! Фашист роняет карабин и, схватившись за плечо, сползает на землю, оставив на белой стене красную кляксу. Готов красавчик! Выскакиваю из-за дерева и мчусь к избе, контролируя каждое движение цели. Но солдат явно не готов геройствовать – сидит, зажимая рукой рану.

Добежав, ногой отбрасываю в сторону немецкий карабин. Его владелец поднимает на меня глаза. Сказать, что он удивлен, – ничего не сказать. Вылупил шары, словно приведение увидел! Ну да, я ведь выгляжу шестнадцатилетним пацаном. Я, в свою очередь, тоже внимательно разглядываю солдата – это мой первый увиденный вблизи враг. На вид – обычный человек, молодой парень лет двадцати. Черты лица правильные, глаза серые, слегка небрит – щетина светлая...

А хорошо этому арийцу сраному прилетело – морда бледная, как у покойника. Болевой шок. Как бы он раньше времени кони не двинул. Шприц-тюбиков с промедолом сейчас в аптечки не кладут, придется народным методом... Снимаю с пояса флягу и, резко сунув горлышко в кривящийся рот

фашиста, вливаю в него граммов сто. Конечно, жаль переводить водку на эту тварь, но мне ведь и поговорить с ним надо. Ну, вроде отпустило – щечки порозовели...

– Мишка! – я распрямляюсь и машу рукой. – Дуй сюда!

Барский выносится из рощи, как спринтер на стометровке.

– Как ты их! Молодец! – на бегу восторженно орет мой товарищ.

– Давай-ка, бери винтарь, – я сую Мишке трехлинейку и горсть патронов. – И вставай на шухере!

– На чем? – оторопел Барский.

– Охраняй! Вдруг эти на броневике вернутся. Стрелять-то умешь?

– Конечно! – немного обиженно ответил Барский, действительно привычно-отработанным жестом приоткрывая затвор, чтобы проверить наличие патрона в патроннике. Затем он пополнил магазин. Ну, в общем, понятно – сын офицера все-таки... В смысле – командира РККА.

– Отлично! Приглядывай за дорогой!

Так, с чего начнем? Снять ремень, на котором только небольшой патронташ с тремя кармашками и штык-нож. Эге, а где все остальное? Не с тридцатью же патронами он воевать собирался? Ладно, с этим можно разобраться потом, а сейчас нужно узнать – где его дружки и не свалятся ли они нам на голову в ближайшую минуту.

– Name, Dienstgrad, Regimentsnummer! Antworten,

Arschloch!¹ – рывкнул я на немца, сопроводив слова мощным пинком ногой по ребрам.

Свободное владение немецким языком – добрая традиция моей семьи. Наша фамилия похожа на еврейскую, но на самом деле в предках у меня числились немецкие бароны с приставкой «фон». Причем самые настоящие, а не какие-то там «остзейские». Когда-то давно, в восемнадцатом веке, младший сын нищего баронского рода фон Глейманов поступил на службу к русскому царю. И все его потомки тоже отдавали свои жизни на русской службе. В общем, стали Глейманы простыми русскими людьми, даже приставка «фон» где-то потерялась. Один из представителей нашего рода, мой прадед, прапорщик военного времени, сделал в восемнадцатом году правильный выбор – вступил добровольцем в Красную Армию. И умудрился сделать карьеру – дослужиться до должности командира полка. Правда, срок первый год прадед не пережил, доблестно погибнув где-то под Уманью. Однако любовь к «родному» языку он деду привил, а дед потом отцу, а уж после они оба – мне. Я даже учился не в простой, а в спецшколе, где все предметы преподавали на немецком. Так что «языком Гёте и Шиллера» владел свободно. Что очень помогло мне десять лет назад – я получил хорошую работу в совместной российско-немецкой строительной компании. Меня даже три раза посылали в Ганновер на полугодовые «курсы повышения квалифика-

---

¹ Имя, звание, номер части! Отвечай, мудака! (нем.).

ции». И за время таких командировок я чрезвычайно обогатил свой словарный запас сленгом и ругательствами.

– Nicholas Merten. Schütze. Und der Regimentsnummer sage ich nicht!² – огорошил пленный. – Wer seid ihr? Ihr seid doch keine Militaergeheorige! Wie habt ihr die Soldaten der Wehrmacht anzugreifen gewagt?!³

– Ах ты, сука... – почти весело сказал я, примериваясь хорошенько пнуть обнаглевшего ганса в раненое плечо. Чтобы сразу мозги прочистились. Но меня внезапно позвал Барский.

– Игорь! – каким-то странным голосом громко позвал Миша. – Игорь, подойди сюда!

Я резко встал и обернулся. Мелькнула мысль, что возвращаются немцы на броневике. И не одни, а с подкреплени-ем. Но нет – Миша не смотрел на дорогу. Он в упор глядел на лежавший на клумбе ворох тряпья, вокруг которого пять минут назад фоткались фашисты. И что тут особенного? Я присмотрелся, и вдруг пелена упала с глаз – это был вовсе не тюк с тряпьем. Посреди желтеньких и красненьких цветочков ничком лежала женщина. А поверх нее лежала большая мохнатая собака. Так вот где смотрительница переезда и ее единственный защитник!

Причем креативные европейцы не ограничились простым

---

² Николас Мертен, стрелок, а номер части я вам не скажу! (нем.).

³ Да и кто вы такие? Вы ведь не военнослужащие! Как вы вообще осмелились напасть на солдат вермахта?! (нем.).

убийством пожилой женщины и собаки. Из их трупов они создали артобъект – железнодорожнице подогнули колени и задрали юбку, а собаку разместили на ее ягодицах. Некрофилы, блядь...

Волна горячей ярости затопила мозг. Что-то изменилось на моем лице, да так, что Барский отшатнулся. Я на деревянных ногах шагнул к фашисту и без замаха ударил его в живот трофейным штык-ножом. Потом еще раз и еще... с проворотом, чтобы уж наверняка... С такими ранами он сразу не сдохнет, какое-то время помучается. Просто убить это... животное – подарить ему спасение. Нет, легко он не умрет! Эх, будь у меня хотя бы час... Он бы узнал, что мы в Сербской Крайне с боснийскими снайперами делали, когда они имели глупость попасться нам живьем...

...Горы, горы... Красивые они, заразы, вот до жути красивые, до дрожи, до смерти! А весной – особенно... Как же, мать его, назывался этот городок? Расстреляйте – не помню. Можно, я буду называть его «городок гаубицы»? Почему такое название? А потому, что именно в этом городке мы оставили одну из двух наших М-30. Микротрещины в наружном цилиндре накатника. После первого же выстрела начал «плакать». Ну, капли гидравлического масла на поверхности. А в последний раз, при обстреле боснийских позиций, она так хорошо плюнула этим маслом, что у Витьки-Тракториста полщеки обожгло. В самую мордуленцию харкнула. И попала так точно, как снарядами никогда не попадала...

Короче, мы ее на ремонт оставили. А сами дальше двинули. «Сами» – это шесть грузовиков, две пушки ЗиС-3, одна гаубица М-30 и три десятка лбов из той породы, которым дома не сидится, а все хочется отыскать приключений на свою жопу. Чем мы, собственно говоря, и занимались последние... ну, неважно сколько месяцев, на территории Республики Сербской, которая отделилась от Боснии и Герцеговины, которые, в свою очередь, отделились от Югославии.

Сначала-то мы в минометчики угодили, но после – после минометчиков сильно много стало, вот нас в артиллеристов и «переквалифицировали», так сказать. По чести, по совести, пушкари из нас были, как из дерьма – снаряд, хотя это – только поначалу. Потом подучились, попрактиковались, и вот, пожалуйста: восьмой отдельный артиллерийский дивизион, приданный корпусу «Дрина», – прошу любить и жаловать! Отправлен блокировать Жепу. Да не жопу, а Жепу – городок такой. Босняки там окопались, а у сербов к ним вопросы накопились. Очень хотелось уточнить: а что это вы там с детишками, бабами и стариками сербскими натворили? Ну, нам тоже приперло немаканных об том порасспрашивать, вот и бабахали мы со всех стволов по обрезанским позициям. Хорошо так бабахали: после нас – только лунный ландшафт и оставался. Ну да не о том речь...

В тот день мы перебазировались. По своей территории, да всего на пятьдесят километров – чем не туристический маршрут? Тем паче что погода хорошая, сами сытые, доволь-

ные и все у нас – зашибись!

Едем, значит, и дорожка такая – ну, не то, чтобы горный серпантин, а, в общем, предгорья. Едем час, едем два... Полста кэмэ – это по прямой, а по дороге гораздо больше получается. Вот так и катимся себе под ясным синим небушком да ясным ярким солнышком. А время – к обеду. Значит, встать где-то надо, и чтобы водичка рядом, и кустики – ну, чтоб после обеда далеко не бегать... О! Вот как раз такое местечко и нарисовалось! Дергает меня Сашка-раз за рукав – смотри, мол, командир, место-то какое! Прямо по заказу...

И ведь не сказать, чтобы я новичком был, и ведь знал, что самое красивое место на войне почти наверняка дорожкой к кладбищу окажется, а вот поди ж ты! Кивнул башкой, ровно болванчик фарфоровый, и весь наш дивизион туда и свернул. И встали, точно бараны перед бойней, – в линию. Так выезжать потом проще будет...

Выгрузились, харчишки какие-никакие достали, расселись. И словно забыли, что вообще-то – война вокруг! Костерок развели, жизни радуемся. В ручейке водички набрали, чаек кипятим, лясы точим. Вот как домой вернемся – ух какая жизнь начнется. Ребенок на то время только у меня был, так парни насели: расскажи да расскажи, как с ребяtesшком живется? Рассказываю, по ходу – хлебушек с мясом жуем, заварку в котел бросили: сейчас попьем горяченького, оправимся по кустикам, да и дальше двинем. И тут...

Выстрел я не сразу услышал. Только увидел, как у Макса –

Бродя его кличка была, – так вот, у Броди голова дернулась. И лег он лицом в землю. А выстрел только тогда по ушам и ударил...

Тут столпотворение вавилонское началось. У половины парней автоматы в грузовиках лежат, бронники у всех – там же. Разленились. Половина тех, что с оружием, – вокруг палат бестолково, а вторая половина – к грузовикам рванула. И снова один выстрел через весь этот грохот пробился. И Вовчик – не Черный, а второй, не упомяну уже кликуху его, – на задницу – шлеп! А потом на бок валится, а затылка у него – нет!..

Тут уж все палить похерили – и под грузовики да за орудия. Съежились, будто кролики, каждый норовит в землю вжаться, чуть не вдавиться в нее. Ан хренушки – в каменистую землю не больно-то вожмешься. А под грузовиками – страшно. В кузовах, между прочим, – снаряды лежат. Сейчас пуля в бак прилетит – и всем коллективный песец!

Нам бы до тех стволов, что в машинах лежат, добраться – глядишь, чего бы и сладилось, а то ведь оба пулемета – там, автоматы – только у двенадцати человек, да и то – у четверых уже патроны на исходе. А эти – снайперы, сволота такая! – чего вытворяют? Один нам головы поднять не дает, а второй тем временем с фланга к нам и – бабах! Лешка-Седой вон – лежит, весь в крови, рот только беззвучно открывает, ну, как рыба пойманная. От боли голоса нет. Ему сейчас промедол срочно вколоть надо – шок снять, а попробуй-ка, сунься к

нему. Я попробовал – еле назад прыгнуть успел. Пуля в камни возле самого моего носа долбанула – глаза крошкой запорошила. Еще бы чуть – я бы там и остался...

Лежим, в землю врасти стараемся. Сначала ужас накатило – вот как если в жаркий день ведром ледяной воды обдать. Руки-ноги – ватные, пальцы занемели, словно отлежал их. «Стечкин» из кобуры минут пять тащил, все вытащить не мог. А когда вытащил, как посмотрел на него – хера ли с тебя толку, товарищ «АПС»? Ты ж даже в самых смелых своих фантазиях и до половины расстояния, что до снайпера, не добьешь. Он ведь, гнида, может, метрах на восьмистах работает, а я тут... Кандидат в двухсотые...

Третью двухсотку нам минут через пять нарисовали. Старого, ну то есть ростовчанина Андрюху Старкова. Он бросился было к грузовику, тут его и... Как тетерева, на взлете... А что мы могли? Разве что выть. И только пули по металлу – дзинь! Да по камушкам – джик! Лежим, ждем, когда по телу «туп!» будет...

Когда Владик-Волчар – Волоков его фамилия, – свалился с пулей в плече, мне вдруг как-то по фигу все стало. Нет, страх не прошел, в смысле совсем, но вдруг такие мысли в голову полезли – ой, мама! Вдруг стукнуло, что вот лобстера я жареного никогда не ел, да теперь видно уже и не поем. И тут же вдогон прилетело: зато я знаю, что анчоусы и кильки – одно и то же. И снова грустная мысль: девственницы у меня никогда не было, а дело к тому идет, что уже и не будет...

Вот еще травинки, которые прямо рядом с моим лицом торчат, считать начал. Травинки чахленькие такие, бледненькие. Так ведь и не сезон еще для них – чай, не май месяц. Восемь их, травинок этих было. Две повыше, остальные – совсем маленькие. Вот смотрю на них и думаю: они вырастут, а я и не узнаю – чего хоть это за травка такая?..

У нас потерь прибавилось. Еще один «двести» и пара «триста». Седой кричать начал. С Волчарой, дуэтом. А мы сделать ничегошеньки не можем. Оружия нет, да еще снаряды эти... Того и гляди, взорвемся...

И тут вдруг подумалось мне, что вот так подохнуть – дело последнее. Что ж мы им, ягнята, что ли? Которые молчат? Рукой парням показал – мол, надо всем разом на грузовики рвануться. Оружие возьмем – раз, а то еще и засечем, откуда к нам эти пули-пташечки прилетают? Может, хоть не завалим, так хотя бы попятнаем этих тварей!

Парни головами кивают – поняли. И смотрят на меня. Все верно: раз командир – значит, первым и подниматься. Тут у меня все мысли сторонние ушли, и снова – ужас накатил. Ведь убьют сейчас – к гадалке не ходи...

Только как страх накатил, так куда-то и укатил. Почти сразу же. Ну убьют, ну и чего? Все одно: помирать когда-то да придется. Может, мой срок сейчас и пришел?..

Я уже и патрон в ствол загнал, и подобрался, как волк перед прыжком. Может, успею до пулемета добраться, а с этим механизмом я еще в срочную – на «ты» был. Может, сам их,

сук этих, достану?..

Только, как в одной хорошей песне поется, «видно, не судьба была пули мне отведати». Вдруг выстрелы, вопли, да такие, что кажется – целое стадо обезьян в кустах оттягивается. Мы как-то разом все почувствовали, что снайперам резко не до нас стало – рванули за оружием. Я только рукой на орудия махнуть успел, а с «зисок» уже чехлы посдергивали, станины развели, уже стрелять изготовились. И нашим раненым помощь подали: кому – жгут, кому – тампон, всем – промедол...

Замерли, ждем, и тут... Честное слово, чуть не разревелся, когда услышал:

– Эй, славяне, не стреляйте! Свои!

У меня губы трясутся, но марку держу. Не новичок все-таки...

– Свои? А кто такие?

– РДО! – и номер вдогонку...

Ну, тут уж совсем от сердца отлегло. Казаки. Наши. Братишки...

Минут через пять они к нам вышли. И ведут пленных снайперов. Вернее – волокут. И не снайперов – снайперш...

Мы обалдели. Стоим – глазам своим не верим. Это что же: вот эти соплячки нас чуть не уделали? Бля-я-я-я...

Смотрим мы на этих девок, и не знаем, что сказать. Нет, мы не монахи, и не праведники, и на войне всякое бывало. И деревни под уровень грунта ровняли, и по молокососам-фа-

натикам стрелять приходилось. Да и с женщинами... ну, с боснячками... иногда... это самое... Короче: бывало, и бывало всякое. Но тут...

Мои орлы меж собой пошушукались, а потом Витька-Тракторист тихонечко мне так, на уху:

– Слышь, Гарик, ты это... Мы, короче, их... Не будем, короче. Ни я, ни остальные. Казаки – пусть их... Только лучше бы, чтоб они их сразу... А?

А мне и самому тошно. Нет, я им ничего не простил и прощать не собирался, но вот... Все-таки нас два десятка мужиков, и казаков этих – еще человек сорок. Нельзя так над бабами... Не по-человечески...

Подошел я к их командиру, да и так спокойненько поинтересовался: а чего, мол, братишка, вы с этими сучками делать собрались? Я, мол, в том смысле, что, может, их расстрелять, да и все?..

Послушал он меня, послушал, потом улыбнулся, да и говорит:

– Ты что, братуха, головой ударился? Казаки с бабами не воюют. Чего удумал: «расстрелять»! Отпустим...

Тут уже я решил, что и в самом деле башкой об камень навернулся. То есть как это «отпустим»?! А за моих четверых двухсотых кто ответит?!!

Только за голову свою я переживал рано. Смотрю, казаки им локотки стянули да и поволокли куда-то. Только хотел я у командира их спросить, куда, как он сам ко мне повернулся:

– Мы тут с ребятами распадочек один видели. Подходящий, кажется. Пошли?

Я пятерых с ранеными оставил, а с остальными – за казачками потопал. Шли недолго – с километр, не более. А как на место пришли – я аж вздрогнул...

Обрыв. Не то чтобы какой-то там ужасный, но метров десять – верняк. Внизу – скалы, между ними – ручеек бежит. Казачий командир – имя у него самое что ни на есть казачье – Артур! – и говорит:

– Вот, девоньки, отсюда – свободны.

И рукой так слегка отмахнул. И казаки этих девок давай к обрыву подталкивать. А те еще не понимают, что с ними сделают, только видят, какая у Артура улыбка. А улыбка у него такая была – сказать нельзя...

Одна из них ранена была. Левая рука плетью висела. Вот ее первую и... Она-то в последний момент сообразила, что сейчас будет, рванулась, да куда там... Повалили, за руки, за ноги схватили и – фьюить! Только взвизгнуть разок и успела.

А вторая на колени бухнулась и давай вымаливать, чтобы отпустили. На приличном таком русском. Только акцент прибалтийский.

Я не удержался да и спросил:

– Ты, дева, откуда родом-то?

Та мне в ноги:

– Из Даугавпилса! Не хотела! У меня мама... бабушка... сестренки маленькие...

Я вообще-то человек не жестокий. Наоборот, скорее. Нет, приходилось мне пленных крепко допрашивать, и не один раз, только удовольствия мне от этого не было. Надо так надо, но для удовольствия... Извините, у меня – другие радости!

Но вот тут... Какие, на хрен, сестренки?! Какие мамы-бабушки?! А Бродя, Старый, Наф-Наф и Вовчик этот, который не Черный?! Ты же, сучка, нас – как в тире! А мы тебя?.. Хера!

Пнул я ее ногой, она за обрыв и того... Только мы когда оттуда шли, слышал я – стонала она. Наверное, нелегко умирала, долго...

– Игорь, ты чего? – оторопело спросил Барский.

– Что? – я резко повернулся к напарнику.

– Ты чего сделал? Ты его... зарезал?

– А что мне надо было – конфетами его кормить?

– Но он же... военнопленный! – продолжал недоумевать

Миша.

– Ну, во-первых, мы с тобой не военнослужащие, поэтому просто не имеем права брать кого-либо в плен. А во-вторых, он не солдат, а бандит, убивающий мирных жителей! – резко ответил я.

– Но все-таки...

Эх, как мне это напомнило позабытые «песни» наших доморощенных правозащитников. Мало ли что выблядков с

оружием в руках схватили над телами растерзанных «мирняков». И они с головы до ног заляпаны кровью своих жертв. Все равно их нужно «задержать», а не арестовывать, обращаться вежливо, соответственно с презумпцией невиновности, у них есть какие-то «права», их нужно поить-кормить и судить, собрав кучу «доказательств» и предоставив адвоката... А гуманный суд даст им лет по двадцать... И они выйдут на свободу с «чистой совестью» сорокалетними здоровыми мужчинами. Ну или в крайнем случае дадут пожизненное. Тогда они будут долго коптить небо на государственном коште. Нет уж, лучше мы по-простому... ножичком.

Но правоверный комсомолец Миша Барский имел в виду нечто совершенно другое:

– А может, он был рабочим? Или докером в Гамбурге? А если у него двое детей и старуха мать? А ты его так просто – ножом в пузо?

– Миша, для меня эти твари – не люди. А просто бешеные псы. Которых нужно безжалостно убивать. Мне по херу, что он был рабочим! Он только что убил советского человека и надругался над трупом. И я буду давить этих скотов, невзирая на их социальное происхождение!

– Извини, Игорь... – Барский, не ожидавший такой отповеди, смутился. – Однако я хотел сказать, что...

– И давай больше не возвращаться к этой теме!

– Хорошо! – послушно кивнул напарник.

– Следи за окрестностями, а я тут пробегусь немного,

осмотрюся.

Так, начнем с оружия. Что мы имеем? Два карабина «маузера». Такие мне тоже попадались в свое время – 98К. Штык-ножи к ним. Почему-то совершенно тупые⁴. Далее, по тридцать патронов на ствол. Маловато... Но ведь есть еще мотоцикл с коляской! Наверняка там запас патронов и прочих полезных в военном быту вещей. Вообще-то по фильмам я помнил, что на всех немецких байках стояли пулеметы. Но мне, видимо, попались неправильные фашисты – пулемета не было, на коляске отсутствовала даже турель. Жаль, пулемет в нашем положении – очень полезная штука, особенно в умелых руках. Но зато в коляске обнаружилось сваленные португалии с кучей всяких подсумков на каждой. Ага, так, значит, гансы просто сбросили «лишнюю» тяжесть. Таскать на себе стало лень, вот и свалили «излишки» на железного коня. Тут же лежали какие-то цилиндры размером с термос. Я уже обрадовался, но в них оказались противогазы. Правда, фляги тоже нашлись – в одной плескалась вода, в другой водка. Еще в коляске присутствовал большой мешок, две продолговатые брезентовые сумки, две малые пехотные лопатки в кожаных чехлах, четыре гранаты-колотушки и холщовый промасленный сверток метровой длины. Осмотр я начал с

---

⁴ В немецком Боевом уставе пехоты штык-нож обозначен как исключительно колющее оружие. Обучению штыковым приемам в вермахте уделялось очень малое количество времени. И штыковой рукопашный бой рассматривался только в качестве «последнего шанса» после исчерпания боеприпасов. В связи с этим заточка штык-ножа приравнивалась к порче армейского имущества.

больших квадратных брезентовых подсумков, к которым и были приторочены фляги. Там обнаружили по одной паре трусов и маек и по две пары чистых носков. Ну и всякая мелочь вроде иголок-ниток, фонарика и, самое главное, еда! Целых четыре пятисотграммовые банки с надписью готическим шрифтом «Fleischkonserven» и две пачки «Gebäck»!⁵ Далее – в больших сумках находились патроны. Сотни по две в каждой. Ну, теперь живем! Правда, по старой солдатской поговорке, патронов много не бывает. Бывает просто мало и «мало, но больше уже не унести». В отдельном мешке нашлось нечто неуставное – шесть килограммовых банок советской свиной тушенки, солидный шмат сала и буханка хлеба. Где-то натырили, сволочи! При виде еды у меня заурчало в животе – думаю, что после завтрака дед ничего не ел, а мне потом не до трапез было. А день уже клонился к закату. Ладно, пожрать мы успеем, сначала надо отсюда ноги унести, пока дружки убитых мной козлов не нагрянули.

Так, а что в длинном свертке? Ух ты! Винтовка! Судя по дизайну – самозарядная. Похожа на «СВТ», но не она... «Светку» мне приходилось держать в руках, а вот такую – нет. Но винтовка явно отечественная, причем в отличном состоянии. К ней прилагались четыре пустых рожковых магазина на пятнадцать патронов. Жаль, что самих патронов не

---

⁵ Fleischkonserven (нем.) – мясные консервы. Тушенки в нашем понимании у немцев не было. Скорее данные консервы напоминали колбасный фарш. Gebäck (нем.) – галеты.

было. Хороший трофей немчура добыла. А мы, стало быть, вернули!

– Миша, ты знаешь, что это? – с винтовкой в руках я подошел к Барскому.

– Ты же из такой в полку стрелял! Неужели не помнишь? – Миша поглядел на меня с удивлением. Но через секунду он вспомнил про мою «амнезию». – Это «АВС-36». Автоматическая винтовка Симонова!

– Автоматическая? Значит, может стрелять очередями? – Я, конечно, небольшой знаток истории Великой Отечественной, и фанатом оружия меня не назвать, но все-таки... про такую штуку я даже не слышал.

– Да, может. Только это не рекомендуется. Исключительно в экстренных случаях и короткими, по пять-семь патронов, очередями. И не больше трех-четырех магазинов подряд! – огорошил Барский.

Надо же, сколько ограничений! Впрочем, если она под стандартный русский патрон, то отдача у нее ого-го! В «ПК» это компенсируется весом и сошками, а здесь... Думаю, что с рук очередями особо не постреляешь – только с упора. Ладно, потом разберемся. Я аккуратно замотал винтовку в промасленную ветошь и сунул в коляску.

– Пойду в домик загляну. Понимаю, что пахнет мародерством. Но несчастной женщине уже не помочь, а нам нужны еда и перевязочные средства. И телефон!

Миша молча кивнул и стал глядеть на дорогу. Я пулей вле-

тел в избу и лихорадочно огляделся – стоило поторопиться, мне казалось, что внутренний таймер, показывающий обратный отсчет до появления новой партии фрицев, приступил к размену последней минуты. Так, телефон висит на стене у окошка – здоровенный аппарат в деревянном ящике с огромной эбонитовой трубкой. Ну-ка, что со связью? В динамике – тишина. А если ручку покрутить? Тоже тишина! В общем, понятно, что связи пришел песец, но для очистки совести я вышел на крылечко и внимательно осмотрел идущие к домику провода. В пределах видимости обрывов не было. Следовательно, провод обрубил где-то в другом месте. Хрен с ним, я уже и не надеялся... Возвращаюсь в избу. Какой же здесь все-таки порядок и чистота. Бедная женщина... Мне ужасно стыдно лезть в ее вещи. Но надо, черт побери, надо! Впрочем, можно ограничиться большим комодом и стоящим под аккуратно застеленной кроватью сундучком. Постельное белье – чистое, переложенное засушенными цветками лаванды – два комплекта. Беру! Полотенца с вышивкой – четыре штуки – туда же! Порвем на бинты. Что еще? На полке возле печи – мешочки. В них что-то сыпучее. Бросаю их в общую кучу, наверняка там крупы. На подпол уже нет времени – а там стопудово запасена картошка. Нам любая еда пригодится – почти четыре сотни человек кормить надо. Ладно, если повезет – я сюда еще вернусь. И не только за картошкой – железнодорожницу нужно похоронить по-человечески.

Вывалившись из домика с целым кулем завязанного в

простыню барахла, я быстро затолкал добычу в коляску мотоцикла. Понятно, что своим ходом мы трофеи отсюда не упррем. Да и средство передвижения грех бросать. Вот только... я как-то позабыл, что не умею управлять самобеглой коляской. В принципе, ничего сложного, но...

– Миша, а ты на права сдавал?

– Чего? – удивился Барский.

– Мотоциклом управлять умеешь? – Надежда нешуточная – все-таки сын командира. Раз с винтовкой управляется, то, может, и...

– Конечно! – уверенно сказал Михаил.

– Тогда седлай коня, и валим отсюда!

– Чего?

– Блин, заводи мотоцикл! А я пока тела уберу.

Немцев я оттащил в кусты. При тщательном осмотре их, конечно, найдут, но минут десять выиграть можно. А женщину и ее собаку отнес в пристройку, где накрыл старой мешковиной. Быстро заровняв следы волочения, прыгаю на заднее сиденье громко тархтящего байка.

– Гони!

И мы погнались. Удовольствие от безумной езды на «страшной» сорокакилометровой скорости по грунтовой дороге на антикварном транспортном средстве – близко к нулю. Мало того что отбитая жестким седлом задница онемела практически сразу, я еще и пыли наглотался. И только через пару минут мне в голову наконец пришло, что мы едем на юг, то-

гда как нам нужно на восток.

– Стой! – проорал я в самое ухо напарнику.

Миша резко тормознул.

– Что случилось?

– Нам в другую сторону! Вдоль железки, а мы едем поперек!

– А что делать? Дорога здесь только одна!

Дорога действительно была только одна. И куда она могла завести – я не представлял. Барский тоже. Естественно, что сразу возник сакраментальный вопрос:

– Что делать-то будем, Игорь?

– Предлагаю проехать дальше еще километра три-четыре.

И поискать поворот в нужном нам направлении. А если не найдем – повернем назад и попытаемся проехать по бездорожью вдоль железной дороги. Трогай, только потихоньку!

Однако найти нужную дорогу не вышло – почти сразу мы выскочили из очередной рощицы на край широкого поля и увидели, что нам навстречу движется туча пыли, в которой скрываются какие-то угловатые тени.

Миша без команды начал разворачиваться. Правильное решение – я уже и не ждал встретить своих. Лучше укрыться и посмотреть – кого там черти несут. Расстояние до неожиданных гостей составляло около километра, да и ехали они не спеша, поэтому нам хватило времени вернуться в рощу и спрятаться за кустами.

По дороге проехала небольшая колонна. Головным шел

полугусеничный бронетранспортер, за ним гроыхали три грузовика с большими опелевскими эмблемами на решетках радиатора. Под тентами сидели солдаты с винтовками в руках и громко горланили «Wenn die Soldaten Durch die Stadt marschieren». Понятно, что и техника и солдаты были не нашими.

– Öffnen die Mädchen Die Fenster und die Türen⁶, – я тихонько допел куплет и уже громче добавил: – Ну, теперь понятно, почему те на переезде вели себя так беспечно! Немчура здесь чуть ли не ротами шастает! И ты еще будешь свистеть мне про десант?

– Да, понял я уже, понял... – с досадой ответил Барский. – Ты прав, к сожалению, – где-то прорыв.

– Лучше бы я ошибся!

– Что же теперь с нами будет? – тоскливо спросил Миша, подняв лицо к синему безоблачному небу.

---

⁶ Немецкая солдатская песня: Если солдаты По городу шагают, Девушки окна И двери открывают...

Глава 4

Это хороший вопрос! Правда, ответ на него предполагал только очень неприятные варианты. Получается, что мы в немецком тылу. И как теперь выбраться, имея на руках две сотни раненых? Ладно, для начала неплохо бы к ним вернуться, а кататься на трофейном мотоцикле по дорогам стало небезопасно. И темнота нам в этом деле не поможет – так еще труднее будет их найти.

Эх, была не была! Попробуем реализовать первоначальный план – найти боковую дорожку, пока не село солнце, а уж потом... Если нарвемся – будем уходить пешком. Авось за двумя непонятными людьми немцы погоню не устроят. Как-то мне не очень верилось, что на третий день войны нас начнут гонять эсэсовские зондеркоманды с собаками.

– Поехали дальше, Миша!

– А если опять?..

– Поехали! Один хер – нам надо к своим. И срочно! Они ведь до сих пор не знают, что тут фашисты кругом. Если на них какое-то подразделение выскочит – всем хана! В лучшем случае в лагерь отправят. В худшем... даже думать не хочется.

Барский уныло кивнул и принялся нажимать ногой рычаг кик-стартера.

– погоди! Давай-ка вещи переложим! Оружие и боепри-

пасы – на себя, а остальное – чтобы можно сразу схватить.

Мы надели портупей, винтовки закинули за спины, гранаты засунули за пояс. Мишка взял трехлинейку, а я один из маузеров. Еду и постельное белье увязали в два больших тюка, распределив вес примерно поровну. Кроме этого в свой тюк я упрятал «АВС», решив не расставаться с таким интересным оружием. Провели тренировку – сели в седла, а потом быстро соскочили и, подхватив узлы, пробежали несколько метров. Практическое занятие показало, что тюк Барского завязан недостаточно прочно – он чуть было не вывалил все содержимое на траву. Причем при десантировании Миша умудрился попасть мне по носу стволом винтовки. Исправили укладку и попробовали еще раз. Теперь покидание техники прошло более организованно – на троечку. Можно надеяться, что при виде противника не будет накладок.

– Ладно, всего не предусмотрешь! Запомни главное – бежать исключительно по моей команде, а не при виде очередной тучи пыли! И бежать на восток – не перепутай второпях! Поехали, заводи драндулет!

Теперь мы ехали чрезвычайно осторожно. Готовясь выехать на открытое пространство, внимательно осматривали окрестности. Пока нам везло – намотали уже пять километров, никого не встретив. Однако не нашли мы и поворота в нужную сторону. Я уже собирался отдать команду на возвращение к исходной точке, но тут впереди показались тан-

ки. Аж восемь штук! Танки сопровождалась мотоциклистами и бронетранспортерами. И вся эта бронированная армада неторопливо (на мой взгляд, привыкшего к совсем другим скоростям) пересекла наш маршрут в направлении с запада на восток. Мы наблюдали движение колонны с дистанции в пятьсот метров, укрывшись в очередной хилой рощице. Бронированные машины грохотали так, что закрой глаза – и кажется, что они проезжают мимо всего в паре шагов.

– Однако если они поехали налево, то нужная нам дорога именно там! – подвел итог наблюдениям Миша.

– Да, похоже, что мы совсем чуть-чуть не добрались до нужного поворота! – согласился я. – Но теперь нам туда путь заказан! Придется обождать, когда они вперед уедут, а то в хвост колонне упруемся.

– А может, вернемся назад к переезду и пешком по шпалам? – предложил Барский.

– Знаешь... – я почесал подбородок, который был покрыт не привычной щетиной, а каким-то цыплячьим пушком. – Так и сделаем. Только высадимся за километр. Ты ведь видел, что туда три грузовика и бэтээр проехали? Наверняка на переезде фашисты новый пост взамен вырезанного поставили. И они теперь, после гибели своих солдат, держат ушки на макушке!

– Солнце сядет через пару часов – как раз нам хватит времени к железной дороге вернуться! А дальше мы даже в темноте не ошибемся: рельсы – отличный ориентир!

– Хорошо! Только давай сначала перекусим. Мы весь день не жрали, а ведь впереди бессонная ночь.

– А как же раненые? Им меньше достанется!

– Нет, лучше будет, если мы по пути загнемся и вообще им ничего не принесем? – резонно ответил я. – От кусочка сала и хлеба запасы сильно не пострадают!

Подумав пару секунд, Барский согласился с моими доводами. Видать, ему тоже хотелось есть (я слышал, как у него урчало в животе), но комсомольская совесть не позволяла обедать немощных товарищей.

Я нарубил веток и закидал ими мотоцикл, а Миша напил хлеба и сала. И то и другое пришлось делать тупыми ножами, поэтому заняло минут десять. Наконец, мы присели в тени коляски и принялись за еду, запивая ее водой из трофейной фляги. Я бы с удовольствием хлопнул соточку водки, но надо учитывать возможности молодого организма. Мало ли – вдруг это меня не взбодрит, а расслабит?

Нашу мирную трапезу прервал треск моторов – по дороге через укрывшую нас рощицу промчались несколько мотоциклов. Всего я насчитал шесть экипажей. Один из них внезапно свернул на обочину, остальные начали притормаживать. Заметили нас? Мое сердце дало сбой, но рука сама схватила оружие.

Фух, кажется, нет – не засекли! Тормознувший что-то проорал своим товарищам, и те умчались дальше. Эти фашисты тоже оказались «неправильными» – ни одного пуле-

мета или автомата. Зато на двух колясках виднелись привязанные живые поросята.

– Бери на мушку водилу, а я буду держать второго! – шепнул я Мишке.

Мы залегли, выставив вперед стволы винтовок. До тархтящего на холостых оборотах мотоцикла немцев было всего тридцать метров. Немцы неторопливо слезли, и целую минуту старательно разминались, вполголоса переговариваясь и негромко смеясь. Уж я-то знаю, что после непродолжительной поездки на этом жутком транспортном средстве тело кажется пропущенным через камнедробилку.

– И чего они тут встали? – недовольно прошептал Барский, косясь на недоеденный кусок сала.

– А вот мы сейчас и выясним! – пробурчал я, постепенно заводясь. – Это очередной шанс взять языка. Ты в ногу с такого расстояния попадешь?

– Спрашиваешь! Конечно, попаду! – обиженным тоном ответил Миша.

– Тогда стреляем по команде! – и в это момент немцы, гогоча над какой-то шуткой, подошли к обочине и, расстегнув ширинки, стали мочиться, стараясь скрестить струйки. – Пли!

Выстрелы грянули синхронно. «Мой» рухнул кулем – пуля раздробила коленную чашечку. «Мишкин» успел сделать несколько шагов и даже попытался стащить со спины винтовку. Пришлось успокоить его вторым выстрелом – уже на-

всегда.

– Быстро вперед! Я отгаскиваю тела, а ты убираешь мотоцикл! – крикнул я, срываясь с места, как на стометровке.

Раненый истошно завопил от боли, когда я, схватив его за воротник, поволок в рощицу. Не обращая внимания на крики, быстро снимаю с него портупею со снаряжением и скручиваю руки за спиной плечевым ремнем. Второй ремень накладываю как жгут чуть повыше колена. В ближайшие полчаса не сдохнет – и то хорошо. А дольше жить ему и ни к чему.

При внимательном рассмотрении выяснилось, что в «своего» ганса Барский все-таки попал – у мертвеца обнаружилась поверхностная рана на бедре. Мишка, донельзя огорченный досадным промахом, гордо отказался от помощи и в одиночку ворочал тяжелый байк, пытаясь закатить его в кусты. Наконец ему это удалось, и он сразу принялся за маскировку. А я тем временем пробежался по дороге – никто на подмогу фашистам не рвался, вокруг было тихо. Блин, опять повезло? Тенденция, однако... И не сказать, чтобы приятная – жизнь-то полосками идет. Раз повезет, два повезет, потом ка-а-а-ак даст! По голове! И в самый неподходящий момент! И потом... Как там Суворов говорил? Который Александр Васильевич, а не Виктор... «Раз счастье, два раза счастье – помилуй бог! Надо же когда-нибудь и немножко умения».

Ну что же – применим немного умения. Я как мог, наскооро, замел все следы на дороге. Правда, теперь вместо следов

волочения остались белые пылевые проплешины, перекрывающие отпечатки протекторов. Ну и хрен с ними! Сразу не заметят, а всю ночь я здесь сидеть не собираюсь. У меня есть пятнадцать-двадцать минут, чтобы расколоть ганса. А потом придется отсюда сваливать, и быстро – дружки несомненно хватятся пропавшего экипажа.

Ну, приступим... Подхожу медленно, потихоньку заводя себя. Все-таки, если ты не садист, психологически очень тяжело пытаться живого человека, хоть и врага, – особенно делая это на холодную голову. Хотя сейчас много времени на разогрев у меня не ушло – достаточно было вспомнить усеянное детскими телами пшеничное поле рядом со сгоревшим поездом.

– Na ja, hübscher Junge, lass uns reden?⁷ – ласково спросил я, заглядывая фашисту в глаза. И тут же внезапно пнул его в раздробленное колено. Немец взвыл на такой ноте, что будь рядом строение – в нем осыпались бы стекла. – Oh, was für ein Weichling!⁸

Барский, следящий за дорогой, тревожно оглянулся.

– Миша, смотри за обстановкой!

– Но что ты делаешь, Игорь? Это не по-комсомольски!

– Миша, иди на хер! Мне нужна информация, и он мне ее даст! Следи, блядь, за дорогой, а сюда не лезь!

Барский, нахмурившись, отвернулся.

---

⁷ Ну что, красавчик, поговорим? (нем.)

⁸ Ой, какой ты неженка! (нем.)

– Hier sind meine Freund, den Sie bereuen! Er sagte, dass ich dir tun misshandeln!⁹ – объяснил я немцу произошедший диалог. – Du weißt, du Bastard, ich bin kein Vampir Blut, und nicht zu genießen. Also, wenn Sie alle meine Fragen zu beantworten – Ihr Finger wird dich nicht berühren. Und wenn Sie schweigen – auf der Multifunktionsleiste Sie weniger oft. Verstehen Sie die Situation, oder muss ich das wiederholen?¹⁰

Немец заерзал то ли от боли, то ли от недоумения. Наверняка у него в мозгах сильнейший диссонанс – какой-то молокосос говорит такие странные слова. Пугает, причиняет боль...

– Der Luder, ich höre kein Antwort!¹¹ – рявкнул я.

– Ich hab ihn!¹² – скривился немец.

– Dann beginnen... Name, Dienstgrad, Regimentsnummer!¹³

– Friedrich Weizsäcker. Schütze. Sechzigerste Kradschützen-Bataillon¹⁴.

– Regiment, Division?¹⁵

---

⁹ Вот мой друг тебя жалеет! Сказал, что я плохо с тобой поступаю! (нем.)

¹⁰ Ты знаешь, ублюдок, я ведь не упырь, и кровью не наслаждаюсь. Поэтому если ты ответишь на все мои вопросы – пальцем тебя не трону. А будешь молчать – на ленточки порежу. Ты уяснил ситуацию, или мне повторить? (нем.)

¹¹ Ну, сука, не слышу ответа! (нем.)

¹² Я понял! (нем.)

¹³ Тогда приступим... Имя, звание, номер части! (нем.)

¹⁴ Фридрих Вайцзеккер. Стрелок. Шестьдесят первый мотоциклетный батальон. (нем.)

¹⁵ Полк, дивизия? (нем.)

– Elfte Schutzen-Brigade. Elfte Panzerdivision¹⁶.

– Wohin begab sich Dein Zug, wenn Du machte halt um zu urinieren?¹⁷

– Wir sollten den Wachposten am Eisenbahnuebergang verstaerken. Er ist gegen 5 Kilometer von hier¹⁸.

– Das weiss ich. Ich war dort jetzt eben. Es gibt schon keinen Wachposten da. Er ist zu Ende gegeben¹⁹.

Солдат посмотрел на меня непонимающе, но через пару секунд понял смысл слов и скривился еще больше. От потери крови и болевого шока доблестный мотострелок побледнел, как мел, по его лицу катились крупные капли пота.

Ну и о чем мне его еще расспросить? Понятно, что об обстановке. Но как это сделать без карты? И без точного определения собственного места пребывания.

– Миша, а мы вообще где?

– В смысле – где? В Советском Союзе!

– Как называется окружающая нас местность?

– Не знаю... – задумался Барский. – Киевский Особый военный округ!

– То, что мы на Украине, а не в Белоруссии, я уже понял.

---

¹⁶ Одиннадцатая мотопехотная бригада. Одиннадцатая танковая дивизия. (нем.)

¹⁷ Куда направлялся ваш взвод, когда ты остановился, чтобы поссать? (нем.)

¹⁸ Мы должны были усилить пост на переезде через железную дорогу. Это в нескольких километрах отсюда. (нем.)

¹⁹ Я знаю. Я только что оттуда. Нет там больше вашего поста. Был, но весь кончился. (нем.)

А поточнее никак? Ты же говорил, что мы с утра какой-то городок проезжали! Название не припомнишь?

Барский закатил глаза и стал расхаживать мимо: пять шагов налево, пять направо, бормоча себе под нос: «...и ведь название какое-то смешное было...» Гимнастика помогла, и где-то через минуту он, наконец, вспомнил:

– Здолбунов!²⁰ Городок назывался Здолбунов!

– Да, это мне сразу все сказало! – язвительно отозвался я. – Мне вся эта география и раньше была по хрену, а уж после... э-э-э... амнезии, так и вообще... Вот... Какие-нибудь крупные города вокруг есть? Ну, кроме Киева, понятно...

– Львов... Дубно... Ровно... Житомир...

– Нда... разброс по расстоянию уж больно большой получается... Скажи мне, откуда и куда мы ехали?

– Из Львова в Житомир.

– И ехали чуть менее суток... Хотя... Хрен его знает, с какой скоростью... Но примерно где-то под Ровно мы должны быть! – Я повернулся к оторопело глядевшему на нас немцу. – Sag mir, was ihr ueberhaup hier tut? Die Front ist doch einige Dutzend Kilometer von hier²¹.

– Wir haben die Front heute um Nagesanbruch durchgebrochen. Unsere Division ist in den Durchbruch

---

²⁰ Здолбунов – город на юге Ровненской области Украины, административный центр Здолбуновского района, главнейший железнодорожный узел Ровненской области.

²¹ Скажи мне, а что вы вообще тут делаете? Фронт в нескольких десятках километрах отсюда. (нем.)

скрипеть мозгами, но так ничего и не вспомнил!²⁷

Ну, что же... Если послезнание мне не помогает, то буду действовать в соответствии с вновь открывающимися обстоятельствами.

– Danke, Soldat! Habe ich versprochen, dass ich Dich vom Finger nicht berühre, wenn Du alles sagst? Deshalb stirbst Du schnell und ohne Qualen!²⁸ – я приставил острое ножа к груди фашиста и с силой нажал. Тупое оружие не оставляло иных вариантов безболезненно умертвить врага.

Немец даже не дернулся, легкая смерть.

– Все, Миша! Собираем новые трофеи и валим отсюда!

Барский, стараясь не смотреть в мою сторону, принялся собирать вещи. Нам достался комплект вооружения и снаряжения, аналогичный предыдущему. Только вместо советской тушенки, сала и хлеба фрицы притырили два круга домашней колбасы и полуведерную бутылку самогона. Через полминуты стало понятно, что в одну коляску все нажитое непосильным трудом не влезет. И Барскому пришлось срочно учить меня управлению мотоциклом. Ну, не бином Ньютона, в конце концов... Водил же я автомобиль – почему не

---

²⁷ Как раз накануне описываемых событий (24 июня) началась грандиозная танковая битва в треугольнике между городами Дубно – Луцк – Броды. Она продолжалась вплоть до 27 июня. С советской стороны в ней приняли участие: 8-й, 9-й, 15-й, 19-й, 22-й мехкорпуса, всего около 2500 танков. С немецкой: 9-я, 11-я, 13-я, 14-я, 16-я танковые дивизии, около 800 танков.

²⁸ Спасибо, солдатик! Я обещал, что пальцем тебя не трону, если все расскажешь? Поэтому умрешь ты быстро, не мучаясь! (нем.)

могу управлять этим недоразумением с коляской?

В общем, разобрался... Сели, поехали. Уже в пути я сообразил, что, случись нам снова повстречать фрицев, конфуз гарантирован. Взаимодействие с Барским не отработано, даже о сигналах не договорились. Пришлось останавливаться и наверстывать упущенное. Наконец мы снова тронулись и погнали вперед на приличной скорости, да так, что чуть не выскочили на переезд. Вовремя остановились – домик погибшей обходчицы виднелся примерно в полукилометре.

Мотоциклы закатали в небольшой, но довольно густой лесок. Я слез с седла и, потирая отбитую задницу, принялся поудобнее завязывать тук с барахлом и жратвой. Блин, а ведь нам еще и оружие на себе тащить – шесть винтовок! И боеприпасы, которые тянут на десяток килограммов. И ведь не бросишь – если мы в немецком тылу, то нам любой лишний ствол – дополнительный шанс на выживание. А каждый патрон – на вес золота.

Барский посмотрел на мои приготовления к пешему маршруту и неожиданно предложил:

– Игорь, а давай, как стемнеет, подкроемся к гитлеровцам на переезде и закидаем их гранатами!

– Миша, их там целый десяток! – попробовал я урезонить развоевавшегося напарника.

– Ну и что? Сколько мы сегодня этих гадов...

– Миша, уймись! Всех мы гранатами не накроем, завяжется бой, в котором у нас уже не будет преимущества внезап-

ного нападения. Они нас просто численностью задавят. Конечно, можно ударить и убежать, но... как мы пойдём к своим с висящей на плечах погоней?

– В темноте не догонят! – неуверенно сказал Барский.

– Пуля, мой друг, летит на крыльях случайности, и ей абсолютно по хрену, что вокруг темно и ты чемпион мира по бегу! Одно случайное попадание в любую часть тела – и к раненым возле поезда добавится еще один индивидуум, нуждающийся в уходе. И соответственно, у нас будет на одного здорового человека меньше. А это – минус один носильщик или защитник. Давай не будем рисковать? Вот выйдем к своим, вытащим ребят, и тогда – воюй сколько хочешь! Все, давай загружаться, маскировать мотоциклы и – потопали!

Барский огорченно вздохнул, но, видимо, поняв мою правоту, начал собираться. Через десять минут мы, навьючившись скарбом, двинулись на восток.

Очень скоро я понял, что сильно погорячился, затеяв этот марш. Груз оказался излишне тяжелым для моего молодого тела. Поэтому, продравшись через очередные кусты на крохотную полянку, сбросил тюки и винтовки на землю.

– Эх, сейчас бы парочку ездовых лосей... – буркнул я, вытирая испарину. – Привал!

Барский машинально кивнул, с подозрением всматриваясь в глубину леса.

– Чего ты там увидел?

– Да вот кажется мне, что сразу за полянкой тропинка вид-

на! – неуверенно сказал Барский. – Ведущая в нужном нам направлении.

Солнце уже коснулось краем западного горизонта, и между деревьев пролегли глубокие черные тени. До полной темноты далеко, но видимость ухудшилась.

– Ну так сходи, проверь! – предложил я, удобно устраиваясь на тюках. – Все лучше, чем по бездорожью переть, – уже все ноги об корни отбил!

Миша, зачем-то взяв оружие наизготовку, пригнулся, как под обстрелом, и несмело сделал несколько шагов вперед.

– Смелее, Миша, тропинка тебя не укусит! – подбодрил я напарника.

– Игорь, мне кажется, что там кто-то есть! – не оборачиваясь, сказал Барский.

– Хлопци, не стреляйте! – донеслось из зарослей. Голос мужской...

Меня словно пружиной подбросило: секунда – и я уже на ногах, «маузер» в руках, глаза обшаривают лес, мозг анализирует обстановку. Если это засада, то нам однозначно пиздец! Попробую сместиться левее...

– Кто там? А ну, выходи! – рявкнул срывающимся от волнения дискантом Барский.

– Не стреляйте! – повторил невидимый мужик. – Я зараз выхожу!

Из-за деревьев на полянку вылез здоровенный мужичище. Если судить по седой окладистой бороде – в немалых летах.

– Кто такой? Что здесь делаешь? – с интонацией героя-пограничника из детского спектакля спросил Барский, грозно насупив брови.

– Мене звати Гнат Пасько. Я тут хмиз збырав, – ответил старик.

– Сколько вас здесь? – в свою очередь спросил я, переместившись на самый край поляны. Если сейчас за ним еще кто-то вылезет – смогу бить во фланг.

– Тут тильки я та моя кобила. Жилкой звать.

– Миша, держи его на мушке! – приказал я, вламываясь в заросли. Небольшой экскурс по лесу показал – старик не врет, кроме него и худой саврасой кобылы, запряженной в телегу, других живых существ в лесу не было. Телега действительно завалена тем самым «хмизом» – хворостом.

– Ну что? – спросил Барский, старательно выполняющий мою команду – все это время державший старика на прицеле.

– Все чисто!

– Что? – Барский не понял незнакомого термина.

– Нет никого. Только упомянутая кобыла, – пояснил я. – Диду, а откуда ты здесь взялся? Где ближайшее село?

– Так, хлопци, версты три на схид якраз и буде Татариньовка. Село невелике, всього тридцять дворив²⁹.

– Ты слышал, что километрах в семи отсюда утром поезд разбомбили?

---

²⁹ Так, парни, версты три на восход как раз и будет Татариньовка. Деревня небольшая, всего тридцать дворов (укр.).

– Чув! – кивнул старик. – Мужики з косовиц повертали-ся, так розповили. Казали, що народу там германы побили видимо-невидимо³⁰.

– Место это знаешь?

– Так, знаю... – осторожно признался Пасько.

– Отвезти нас туда сможешь?

– Так, сможу... А що мени за це буде?

– Жить ты за это будешь! – хмыкнул я. – И, может быть, долго и счастливо.

– Грозышься? Мени вже симдесять рокив... И сколько людей погрожували мене вбити – и не пригадаю. Навить сам Петлюра... И де вони зараз? А я ось тут... хмиз збыраю!³¹ – с улыбкой ответил Гнат и вдруг добавил на чистом русском: – Да и не будете вы меня убивать – вы ведь хорошие парни, комсомольцы...

– А ты, диду, хитрый мужичок! – рассмеялся я, закидывая винтовку за спину.

– Да и ты хлопчик очень непростой! – огорошил Гнат.

– Ладно... Что хочешь за помощь?

– Винтарь хочу! – снова удивил Пасько.

– А на хрена он тебе? Стены в сарае вместо жердины под-пирать?

---

³⁰ Слышал. Мужики с сенокоса вернулись, так рассказали. Говорили, что на-роду там немцы побили видимо-невидимо (укр.).

³¹ Угрожаешь? Мне уже семьдесят лет. И сколько людей грозилося меня убить – и не припомню. Даже сам Петлюра. И где они сейчас? А я вот тут – хворост собираю (укр.).

– Ну... пригодится! – с хитрой улыбкой сказал Пасько. – У вас вон сколько винтарей, так неужели не дадите один пожилому человеку?

– Хер с тобой, пожилой... – согласился я, и стал доставать из своей укладки «маузер».

– Э, нет, хлопчик! – покачал головой Гнат. – Ты мне лучше русский винтарь дай! Он и понадежней и... вообще!

– Что «вообще»? – заинтересовался Барский, уже привыкший к своей мосинке.

– Если германы меня со своим винтарем поймают, то повесят сразу. А если с русским – то, может, еще и выкручусь. Кажу, что в лесу нашел.

– Да, в логике тебе не откажешь, старый хрыч! Миша, отдай ему трехлинейку.

– И патроны! – вставил дед.

– И патроны! – кивнул я. – Все равно их кот наплакал.

– А гранаты у вас есть?

– Ты, диду, меру-то знай! – усмехнулся я. – На кой черт тебе гранаты? Рыбу глушить?

– Так пригодятся! В хозяйстве все сгодится... когда-нибудь...

– Дам одну.

– Две! – упорствовал Пасько.

– Одну! – отрезал я. – У нас не военторг, они нам самим нужны. Для дела. И дам только тогда, когда на место нас привезешь.

– Договорились! – вздохнул старик. – Сейчас хворост скину, и можете залезать на телегу.

Глава 5

Ехали мы уже в полной темноте. Каким образом старик отыскивал дорогу – бог знает. Но кобылка уверенно трусила по узким, почти как звериные тропки, колеям. Первоначально я пытался контролировать направление движения по звездам, но после пятого поворота бросил это бессмысленное занятие. Пасько предложил покемарить, пока едем, и я согласился... на словах. Мишка отрубился сразу, а я продолжал бдить, в любой момент ожидая, что вредный старичок привезет нас напрямиком в лапы немцев. Черт их, западенцев, знает, что у них в головах...

Было время обдумать все произошедшее.

Только сейчас, задним числом, я вдруг понял, что весь прошедший день ходил под смертью. Причем смертью глупой (хотя умной смерти вообще не бывает...), бессмысленной – мы, два дурачка, катались на мотоцикле под самым носом у фашистов, не сталкиваясь с ними лоб в лоб только божьим попущением. Как мог я, сорокапятiletний взрослый мужик, вести себя будто безбашенный подросток, совершенно игнорируя очевидную опасность? Да нам надо было по кустам шхериться, а мы, малолетние долбоебы, сами в пасть дракона лезли. Нет, ну ладно Барский – он реально подросток, но я?.. Неужели гормоны молодого тела напрочь отключили мозги? Это очень, очень тревожный признак –

если так пойдет и дальше, дед до Победы не доживет.

Значит, нужно тщательней контролировать свои поступки и... слова. А то Миша сегодня уже пару раз после моих ляпов «зависал». Появление новых слов на амнезию не спишешь. И еще неплохо бы узнать, раз нам местный житель попался, где мы находимся и как быстрее до своих добраться.

– Эй, диду, а до Киева далеко?

– Ну ты и спросил, хлопчик! Верст триста!

– Хм... далеко! А город на востоке поближе?

– Бердичев, Житомир... – рассеянно ответил старик, явно думая о чем-то своем.

– А Ровно, Дубно, Луцк сейчас от нас в какую сторону?

– Дубно и Луцк – на запад, а Ровно – на северо-запад, – спокойно ответил Пасько. И куда только делась «ридна мова»? Интересный старичок... Петлюра, вишь, ему грозил... Было бы времени побольше, да обстановка поспокойней – побеседовал бы я с этим дедом... очень обстоятельно.

– О чем задумался, диду? О сале, небось, думаешь? – пытаюсь подначить Игната.

– Почему о сале? – Пасько удивился настолько, что даже вышел из своего самосозерцательного состояния.

– А вы, хохлы, всегда о сале думаете! – рассмеялся я.

Пасько тоже негромко хихикнул, показывая, что шутку принял. И тут же снова погрузился в раздумья. Поняв, что нормально поговорить не удастся, я, достав из ножен трофейный штык и подобранный на дороге камень, принялся

точить оружие, поминая недобрым словом предыдущих хозяев.

Что любопытно – несмотря на беспокойный день, наступившую ночь и мерное покачивание телеги, мне совсем не хотелось спать. Возможно, причиной этому был бродивший в крови адреналин, хотя по всем прикидкам уже должен наступить откат, но организм не показывал признаков усталости. Я был бодр и, что удивительно, весел! Или, скорее, мною владела веселая злость – вместо нормального в сложившихся обстоятельствах желания забраться под самую глубокую корягу и там затихнуть, чтобы не нашли, мне хотелось встретить как можно больше людей в серо-зеленых мундирах и убить их. И желательно, чтобы они перед смертью помучились... Нет, я не садист, но мой разум, привыкший выдавать простые и очевидные решения поставленных жизнью задач, не мог найти другого способа отомстить этим тварям за массовое убийство женщин и детей у поезда. И что характерно – я знаю мало подробностей о каких-то деталях Великой Отечественной войны, но прекрасно помню: увиденная мной сегодняшним утром зверская расправа над безоружными людьми – не частный случай, не отдельная ошибка незнательных исполнителей. Это система! Система, в которой смертоубийство поставлено на хорошо отлаженный конвейер. Я мог не помнить дату начала Сталинградской битвы, но зато прекрасно помнил документальные кадры из Освенцима – рассортированные с немецкой педантичностью кучи

обуви: отдельно мужские ботинки, отдельно женские туфли и рядом – детские ботиночки.

Понимаю, что не все солдаты звери... Я ведь три раза был в Германии, прожил в этой стране несколько месяцев, видел немцев в их привычной среде, беседовал за кружкой пива с ветеранами вермахта... Выглядели они нормальными, адекватными людьми. Гитлера ругали... Но... Их ведь хорошо пристукнули после войны. Нахлобучили по самые уши! Не та уже немчура, не та... С теми, живущими в двадцать первом веке, мне было скучно... А с этими? А с этими – нет! Эти, мать их, соскучиться не дадут... Кто из наших писателей сказал во время войны: сколько раз встретишь немца – столько раз убей? Опять пробелы в знаниях – автора высказывания не помню³², но сама фраза запала. Но тогда я ее не догнал, ибо не видел истоков ненависти. И только теперь я с ясной отчетливостью понимаю – неизвестный мне мужик был прав! Он знал, о чем говорил!

Я, блядь, клянусь, что не позволю им пристукнуть меня до тех пор, пока не укокошу соизмеримое количество фашистов. Да и после этого постараюсь удвоить счет! Чтобы за каждого убитого сегодня на моих глазах ребенка сдохли по два, а лучше – по три-четыре немца! И мне будет абсолютно по херу, кто они: докеры из Гамбурга, крестьяне, един-

---

³² Так убей же хоть одного! Так убей же его скорей! Сколько раз увидишь его, столько раз его и убей! (Константин Симонов. Если дорог тебе твой дом..., 1942 г.) Полностью стихотворение можно прочитать в глоссарии. (Прим. авт.)

ственные кормильцы старух-матерей и малолетних ублюдков, пехотинцы, танкисты, летчики или полковые хлебопеки! Я убью каждого, до кого смогу дотянуться!

– Хлопчик, эй, хлопчик! – Пасько тронул меня за плечо. – Что с тобой?

– А что со мной? – удивительно спокойным голосом переспросил я.

– Ты ножик точишь, а сам зубами скрипишь! – объяснил старик.

– Ну извини, дед, не хотел тебя напугать!

– Меня напугать трудно, но... Ты ведь еще сопляк совсем – откуда столько злости?

– Вот на место приедем – увидишь, откуда что берется...

– Гм... видать там действительно много народа побитых... – вздохнул старик. – Ты сколько сегодня германов взял?

«Взял»... Вот так по-простому, словно дело идет об охотничьих трофеях, лосях или кабанах, спросил Пасько. Чувствуется, что «охотничек» он еще тот.

– Четверых!

– Ого! – присвистнул дед.

– Мало. Очень мало, – я хмуро сплюнул куда-то в темноту.

– А сколько тебе лет, парень?

– Семнадцать. Будет. В ноябре.

– Надо же... А рассуждаешь как взрослый...

Прокалываюсь. На мелочах, на каких-то словах и выражениях. Штирлиц шел по зданию рейхканцелярии в буденовке

и с балалайкой в руках. Никогда еще он не был так близок к провалу... А с другой стороны – неужели здесь найдется человек, который на полном серьезе заподозрит меня в переносе сознания? Можно и дальше симулировать амнезию, тем более что я действительно ничего не знаю о теперешней действительности.

– А зовут тебя как, хлопчик?

– Игорь. Игорь Глейман.

– Жиденок?

– Да, – легко согласился я. Не излагать же старику подробности своего генеалогического древа. – А у тебя с этим какие-то проблемы?

– С чем проблемы?

Надо же! Старый крестьянин легко «скушал» сложное «научное» слово! Ох, явно у него за плечами не три класса церковно-приходской школы!

– С антисемитизмом! Евреев не любишь?

Пасько весело рассмеялся.

– Ох, хлопчик, уморил... Ты бы меня еще в погромах обвинил! Ты прости, если я тебя этим словечком обидел, – ей-богу не хотел! Просто здесь, на Львовщине, слово «жид» не обязательно ругательство, как в России. Да и не похож ты на жиденка – волосы светлые и глаза серые.

– Сдается мне, что ты, дедушка, не местный житель!

– Так помотало меня по свету... А в Татариневке я всего лет пятнадцать назад осел.

– Пажеский корпус не заканчивал?

– Что?! – Старик даже повернулся ко мне. Я не мог видеть в темноте его лицо, но удивление отчетливо читалось по голосу. – Да как ты?..

– Тихо, тихо, дед! – я незаметно вынул из ножен штык. – Чего это ты так переполошился? Если хочешь знать – мне плевать на твое происхождение! Для меня сейчас главное определение своего – готовность убивать немчуру! С этим у тебя как?

– Как... как... каком кверху! – Пасько немного успокоился, снова отвернулся от меня и стал смотреть на плохо различимую во тьме дорогу. Молчал он долгих пять минут. Все это время я был настороже, не выпуская из руки нож. – Пока вас не встретил – вмешиваться в эту войну не собирался. Стар уже, да и вообще... Но что-то екнуло – какие-то молокососы с германцами бьются, трофейными винтовками увешаны, а я?.. Продолжаю изображать малоросского пейзажника? Вот везу вас, а сам думаю думаю – что делать?

– И что надумал?

– Пока ничего, трудно решить, – вздохнул Игнат. – Но вам я не враг. Ты это... ножик-то убери! А то как-то неуютно...

Глава 6

Июньские ночи короткие – вроде бы только что солнце село, а уже рассвет! За раздумьями я и не заметил, как мы приехали. В серых предутренних сумерках стоящие на насыпи сожженные вагоны казались авангардистскими скульптурами.

Проехать прямо к путям не вышло – дорога, если так можно назвать едва видимую в траве колею, шла параллельно железке, метрах в семистах. Надо будить Барского, взваливать на себя поклажу и топтать ножками. Растолкать Мишу оказалось занятием трудным, причем совмещенным с риском тяжелых травм – толком не проснувшись, мой боевой напарник лягнулся ногами, как скаковая лошадь. Наконец, задолбавшись, я просто спихнул Барского на землю. Грохнувшись кулем, воспитанный интеллигентный юноша, комсомолец, выдал длинную матерную конструкцию, в которой перечислил различные сексуальные действия, в том числе анальные и оральные, которые он собирался предпринять в отношении того, кто его разбудил. Старик, внимательно выслушав весь этот произнесенный ломающимся полудетским голосом бред, улыбнулся и одобрительно кивнул.

– Вот, помню, в двадцатом мы одного матросика... гхм... поймали и к Духонину собирались отправить, так он примерно вот так нас обложил, стервец. Так еще и в рожу штабс-

кап... помощнику моему плюнул. Не обеднела, стало быть, русская земля талантами!

После такого заявления окончательно проснувшийся Миша густо покраснел, торопливо поднялся с земли и принял-ся суетливо паковать наши вещички. Нагрузившись, как два ездовых оленя, мы бодро зашагали в направлении сгоревшего поезда.

Пасько, привязав поводья кобылы к передку телеги, пошел с нами, повесив на плечо винтовку. И пока мы шли, Игнат настороженно оглядывался по сторонам, готовый, как мне показалось, в любой момент залечь и открыть огонь.

Пыхтя под грузом, Барский периодически душераздирающе зевал, грозя вывихнуть челюсть.

– Того матросика случайно не Железняк звали? – вполголоса спросил я Пасько. – Он как раз в этих местах воевал...

– Это тот, про кого песню жалостливую сочинили? – с ядовитой ухмылкой ответил старик. – Как же, как нам советская власть радио провела, так и слышали... Он шел на Одессу, а вышел к Херсону... Это же надо было придумать такой географический кретинизм!

– Ты, твое высокоблагородие, красного героя не оскорбляй! – хмыкнул я. – Он не в конкретном направлении шел, а «вперед, заре навстречу!». Удивительно, что он вообще куда-то вышел...

Игнат озадаченно покосился на меня, но, поняв, что это такая шутка, тихонько рассмеялся.

– О чем вы там шепчетесь? – обернулся к нам Барский после очередного зевка.

– Да вот... Дед Игнат просит ему слова записать, что ты пять минут назад произнес! – подмигнув старику, ответил я. – Говорит, что обязательно на колхозном собрании с односельчанами поделится!

– Да, непременно! Особенно председателю они по душе придутся! – фыркнул Пасько. – Тут главное вовремя их ему сказать... с выражением!

Миша снова покраснел и, отвернувшись, обиженно засопел.

До цели похода оставалось метров двести, когда я заметил, что здесь кто-то побывал. Почти ничего не изменилось, но наш маршрут вдруг пересекла гусеничная колея. Причем следы траков показались мне непривычно узкими. Неужели немцы?

Я моментально сбросил с плеча тюк и присел, взяв оружие наизготовку. Пасько мгновенно последовал моему примеру, а Миша так и продолжал топать вперед, всей своей спиной выражая непримиримую обиду к злым шутникам.

– Барский, лежать! К бою!

Сработало – напарник на полушаге рухнул, используя объемистый тюк в качестве бруствера. Все-таки хорошо здесь молодежь воспитывают – скомандовал – и они, не раздумывая и не переспрашивая «зачем да почему», выполняют. Причем быстро и эффективно.

– Оба на месте! Барский! Смотреть вперед! Сигнал к продолжению движения – два раза поднятая вертикально вверх винтовка. При виде противника – открывать огонь на поражение! И перекатами отходить в сторону телеги. Как понял?

– Есть! – звонким от волнения голосом ответил Миша и, не удержавшись, спросил: – К телеге, это чтобы от наших увести?

– Да! – Я между тем вертел головой на все триста шестьдесят градусов. Но немцев пока не видел. – Пасько!

– Я-я-я! – неожиданно бодро рыкнул старик.

– Держи тыл!

– Слушаюсь! – ответил старик и развернулся.

Ну что же, пойду проверю, что там впереди. Аккуратно, осторожно, короткими перебежками, как прапор в учебке вдалбливал. Хорошо нас тогда погонял, до седьмого пота, до полного автоматизма – старая советская школа! Мне это потом не раз жизнь спасало! Сейчас так уже не учат – солдатиков берегут. До первого настоящего боя, ага...

Обстановка не нравилась мне все больше и больше – по пути к поезду попались еще две гусеничные колеи. И самое главное – я до сих пор не увидел никого из уцелевших. Или они успели закончить эвакуацию в ближайший лесок, или...

Сбылись мои самые худшие подозрения – пройдя еще полсотни метров, я понял, что следы бронетехники (ну не на тракторах же они здесь ездили?) ведут точнехонько к разбитому эшелону. Туда, куда мы вчера перенесли всех ране-

ных. Нехорошее предчувствие кольнуло сердце. Я, забыв про осторожность, бросился бегом, уже догадываясь, что увижу. Но глупая надежда «вдруг не заметили, вдруг пощадили» продолжала теплиться в глубине души. Я добежал до вагонов и... замер.

Нет! Заметили... И не пощадили... Глупо было ожидать милосердия от этих двуногих тварей. Так они еще и фантазию проявили! Или боеприпасы сэкономили, сволочи...

По неровным рядам уложенных на землю и перевязанных тряпками раненых фашисты аккуратно проехали на танке. И, видимо, не один раз – некоторые тела просто размазало по земле. Я побывал на нескольких войнах, где видел очень страшные вещи, в том числе целиком вырезанные деревни с мирными жителями, и думал, что никогда уже не буду блевать, как тогда, в горной деревушке на границе с Черногорией. То село мы отбили у босняков, занимавших его три дня. На такие «икебаны» пришлось насмотреться... Людей там жгли заживо, сдирали кожу, прибивали к собственным воротам. Но сейчас...

Меня скрутило так, что небогатое содержимое желудка выскочило практически мгновенно, но жуткие спазмы продолжали выворачивать наизнанку. Я рухнул на колени, выплевывая на бурую от крови траву почти сухую желчь.

Что же вы сделали, гады? Это же дети! Дети!!! Искалеченные, беспомощные... Я сам не ангел, приходилось добивать раненых врагов. Но это всегда были крепкие парни, знаю-

щие, за что воюют, и, истребляя их, мы уменьшали мобилизационный потенциал противника – ведь после ранения эти ребята всегда вставали в строй, только злее становились. И опытней.

Но здесь? При самом благоприятном течении событий самый старший из зверски убитых мальчиков мог стать солдатом года через три-четыре. Как раз к концу войны. И таких тут всего два десятка, а большинство – лет по восемь-двенадцать. Так почему их добили? А девочки? Они всегда, за очень редким исключением, считаются некомбатантами, но танки проехали и по их телам.

Ну, суки... Что-то сдвинулось в моем мозгу. Что-то, и без того задвинутое на самые задворки. Что-то именуемое гуманизмом... Оно сдвинулось и с едва слышимым щелчком покинуло меня. Возможно, навсегда... Я теперь не просто этих тварей мочить буду... Я их так убивать буду, что живые при виде трупов от страха срать начнут... Прав был классик: они не люди!³³

С трудом встаю с колен. Ноги не держат, руки трясутся. Хорош боец, гроза фашистов... Подбираю оружие и оглядываюсь. Очень мешают стоящие в глазах слезы. Смаргиваю их, но они все равно продолжают течь. Надо взять себя в руки, на мне два пацана, включая дедово тело. Да и здесь еще могут оказаться живые. Хотя зная немецкий педантизм... Значит,

---

³³ Илья Григорьевич Эренбург, статья «Убей!». «Красная звезда», 24 июля 1942 г. См. глоссарий.

лишнюю влагу долой! Два раза поднимаю над головой винтовку и, пару секунд подумав, иду встречать своих попутчиков. Ни к чему Мише видеть такое.

– Что? Что там? – на ходу кричит Барский.

– Стой! Не ходи туда! – я хватаю напарника за руку, краем глаза замечая, что Пасько не остановился, а прошел дальше.

Реакция ожидаемая – старика тоже начинает выворачивать. Да, в его время войны были благородней... Барский внезапно вырывается и бежит к поезду. Эх, напрасно! Через мгновение Мишка видит растерзанные тела и... присоединяется к Игнату.

– Дурак! – Что я еще могу сказать?

Пока старик и юноша приходят в себя, осматриваюсь. Хм... Мне мерещится от пережитого или количество трупов явно меньше бывшего количества раненых? Видимо, пока мы с Мишей исследовали окрестности и знакомились с интуристами и местными жителями, наши коллеги по несчастью сумели эвакуировать часть людей. Но куда? В тот лесок, который я предложил? Надо проверить. Как там мои товарищи? Пасько уже поднимается, а вот Мишу по-прежнему крутит... Ладно, подождем, две минуты роли не играют.

Игнат встал с колен и, шатаясь, подошел ко мне.

– Игорь, кто это сделал? Неужели германцы?

– А сам-то как думаешь, дед?

Старик замялся.

– Неужели считаешь, что жида-комиссары зверски убили

собственных детей? Здесь ведь семьи комсостава – офицерские по-вашему...

Пасько судорожно сглотнул.

– Нет, я так не считаю... Это было бы слишком даже для них... Но неужели германцы?..

– Они, дед, сейчас совсем не такие, с которыми ты, возможно, сталкивался в ту войну. Они ведь себя лучшей нацией на Земле объявили, неужели не слышал? И все, кто к великому немецкому народу не принадлежит, – грязь, говно, которое можно и нужно безжалостно уничтожать. Вот как здесь, например!

– Но ведь здесь только дети!

– А им без разницы...

Старик смешно наморщил лоб и отошел в сторону, крепко задумавшись.

– Да, не отсидишься ты на своем хуторе, твое высокоблагородие! – горько усмехнулся я. – Они тут поначалу все подчистую выгребут. До нитки ограбят. А потом зачистят лишние рты, оставят только тех, кто будет убирать для них хлеб, добывать уголь и валить лес. Рабов, короче... И тебя, поскольку ты старый и немощный, в газовую камеру отправят!

– Куда? – обернулся в изумлении старик.

– Патроны-то денег стоят, да и стволы горят... Не говоря уж о жутких моральных страданиях палачей. Вот и изобрели образованные европейцы такой способ массового уничтожения людей, чтобы сразу десятками тысяч на небо от-

правлять, – газовые камеры. Привозят ничего не подозревающих стариков, женщин и детей на пересыльный пункт. А там вроде как помывка организована – душ работает. И даже по кусочку мыла всем желающим дают и чистые полотенца. Народ радостно заходит и начинает мыться. Тут двери герметично закрываются, и вместо воды из душевых рожков начинает отравляющий газ идти. Пара минут – и все! Заходит бригада из таких же несчастных и оттаскивает тела в крематорий. А мыло и полотенца тщательно собирают – для новой партии жертв. Потому как истинный германец должен быть экономным! Поэтому аккуратно снятая и сложенная перед помывкой одежда тщательно сортируется и отправляется на склад³⁴. Ordnung und Aufsicht!³⁵

Пасько снова рухнул на колени и начал блевать. Добил я старичка своим рассказом. Да, дедуля, реальность, она ведь пострашней любой фантазии будет.

Как там Барский? Миша уже встал и, покачиваясь из стороны в сторону, смотрел невидящим взором куда-то вверх. Солнце выкатилось из-за горизонта, и небо стремительно на-

---

³⁴ Игорь немного ошибается. Газовые камеры лагерей смерти были замаскированы не под душевые, а под дезинсекционные помещения. И помыться перед смертью люди не успевали – воду подавали после казни и выноса трупов через большие потолочные распылители. Душевых рожков как таковых не было. Газ пускали через специальные люки. А вот мыло и полотенца действительно были многообразными – их собирали после экзекуции и выдавали следующей партии. (Прим. авт.)

³⁵ Порядок и контроль (нем.).

ливалось синевой. Денек обещал стать ясным, солнечным и... жарким. Во всех отношениях.

– Миша, ты как?

Молчание. Я подошел и обнял парня за плечи. Рука сама нащупала на поясе флягу.

– Ну-ка, хлебни!

Барский машинально начал глотать. Похоже, даже не замечая, что пьет. На четвертом глотке я вырвал горлышко фляги из его рта. Хорош, а то мне еще не хватало пьяного на себе тащить. Да и мне самому не мешает принять сто граммов. Блин, теплая... Это уже становится нехорошей традицией – который раз за сутки прикладываюсь. И все без закуски, на ходу... Так и спиться недолго, если раньше не убьют... А что поделывать? Третий тост – это святое!

– Миша, ты готов идти?

– Куда? – вяло спросил напарник.

– Я посмотрел – здесь не все. Наверное, часть раненых успели оттащить в лесок, как мы и договаривались. Надо их найти – им по-прежнему нужна помощь! Ты пойдешь со мной?

– Да-да, конечно! – То ли водка подействовала, то ли это была боязнь остаться в одиночку на этом поле смерти, но Барский быстро оживился. – Пойдем!

– Хватай узлы! И топай!

– Хлопчики, подождите! – раздалось за спиной. – Я с вами! Теперь это и моя война!

Старик догнал нас широкими шагами.

– Куда вы теперь?

– Своих искать. Раненых больше было, чем здесь... убитых.

– Чем я могу помочь?

– Подгоняй телегу в ту рощицу!

Пасько кивнул и быстро зашагал к оставленной на дороге кобылке. А мы с Мишей потопали вдоль состава, стараясь не смотреть на растерзанные тела. Роща встретила нас тишиной. Относительной, конечно, – ветер шумел в кронах невысоких топольков, щебетали какие-то птицы. Не было слышно людей! Сердце снова сжало нехорошее предчувствие. Неужели и здесь нашли? Внезапно за кустами мелькнуло что-то белое. Мы, не сговариваясь, бросили тюки и лишние стволы, бросились туда и... проскочили лесочек насквозь. Впереди, за редкой цепочкой молодых березок и неширокой полосой высокой травы, было очередное поле, засеянное гречихой.

– Ну и где тут что было?

– Померещилось? – оглядываясь по сторонам и щурясь от яркого утреннего солнца, спросил Барский.

– Миша, Игорь?! – удивленный женский голос шел, как казалось, прямо у нас из-под ног. – Мы думали, что вы уже не вернетесь!

– Марина?! – я внимательно посмотрел вниз. Ага, так здесь что-то типа... оврага! Пока в него не навернешься – не

увидишь – он довольно узкий, и края густой травой заросли. А березки, похоже, специально тут высажены, чтобы стенки от размывания укрепить.

– Я это, я. Спускайтесь, а то... эти заметят!

В овраг пришлось буквально сползать – глубина оказалась приличной, метра три. На песчаном дне оказалось довольно сухо и на удивление просторно. Вот только после яркого света наверху я почти ничего не видел, кроме белого платья Марины.

– Кто здесь с тобой? Много удалось спасти?

– Всего сорок восемь человек! – сказала девушка бесцветным голосом и тихонько заплакала.

– Спокойно, красавица, спокойно! – Я сгреб девчонку в охапку. Оказавшись в кольце моих рук, Марина обмякла и зарыдала в голос. Видимо, держалась на последних остатках воли, а тут, почуяв даже такую чисто символическую защиту, не выдержала. – Миша, что стоишь, твою мать? Дуй за вещами и деда сюда тащи!

Барский пулей вылетел наружу, только подметки мелькнули да сыпануло на голову сухой землей. Глаза постепенно привыкли к полумраку, и я разглядел лежавших вдоль стенки оврага людей. Неподвижных. Без сознания или... Да они, наверное, спят. Время-то раннее – только-только солнце встало, и шести утра нет. В основном тут были те, кто вчера на импровизированной сортировке был признан тяжелораненым. Или, наоборот, вообще не пострадал. Девчонки

и мальчишки от двенадцати до шестнадцати лет. Кто-то из них, услышав шум, уже начал подниматься и пробираться поближе к нам.

– Что у вас произошло?

– Как ты и предупреждал – приехали немцы... – негромко ответил крепыш, что накануне на меня с кулаками бросался, паникером называл. Как его – Николай? – Мы едва успели первую партию раненых сюда перенести. Этот овраг Васька случайно нашел. Тут хорошо, вода рядом и... вообще... А тут танки! Мы из леса их увидели.

– Понятно...

– Что тебе понятно?! – внезапно выверился Николай. – Мы же ничего сделать не могли! Ничего, ты это понимаешь?! У нас даже палки в руках не было, а они на танках!!!

– Чего ты орешь? – спокойно спросил я. – Я вас ни в чем не обвиняю.

– Я на поле была, возле вагонов, – прошептала Марина, резко оборвав рыдания. Она высвободилась из моих объятий и сделала шаг назад, машинально, привычным женским жестом оправив юбку. – Приехали танки. Много – я восемь штук насчитала. А с ними пехотинцы на броневиках и мотоциклисты. Окружили нас, высыпали из машин, встали рядом... Стоят, ржут, шутки отпускают... Молодые парни, чумазые, веселые такие... Начали вопросы задавать на ломаном русском: кто мы такие? Ну, кто-то признался, что дети комсостава. Тут один из солдат у своих спрашивает: что

делать будем? В плен возьмем? Я немного немецкий знаю, поняла... Тогда офицер, тоже молодой совсем, говорит: танкисты пленных не берут. А солдат удивился: так что, отпустим? Нет, ответил офицер, это большевистское отродье отпустить нельзя. И приказал всех ходячих пристрелить, а лежащих танками задавить, чтобы патроны сэкономить. И ведь так спокойно это сказал – я даже и не поняла сначала, что он такое говорит. А потом, когда поняла, не поверила – думала, шутит. Но тут они начали стрелять, а танки поехали прямо по рядам раненых. Дети кричали, громко так... жалобно... Особенно самые маленькие... Некоторые мамы пытались заслонить детей, но разве можно остановить железную машину? Танки так и ехали по людям... а те хрустели... как печенье хрустели... Это у них косточки ломались...

Марина бросилась мне на грудь и снова зарыдала.

– Я убью этих тварей! Слышишь! Убью! Узнаю, что это за подразделение было, и найду каждого, кто там был! – прошептал я в самое ухо плачущей девушки, поглаживая ее плечи.

Постепенно собравшиеся вокруг нас в кружок мальчишки угрюмо молчали.

– Найди их, Игорь! Обязательно найди! – сказала Марина, подняв на меня мокрые глаза. – Это не люди, это настоящие звери!

– Ты сама-то как спаслась? Может, еще кто уцелел?

– Меня и еще нескольких девчонок в броневик затащили.

Лапали, юбки задирали... Обещали на ближайшем привале настоящее развлечение устроить. А я через борт сиганула, когда мы через лес проезжали. Мне уже все равно было – сразу разобьюсь или едущий следом задавит. Мне даже не стреляли вслед...

– Товарищи! – Мой голос предательски сорвался. – Мы отомстим этим сволочам, обязательно отомстим! А пока нужно подумать о раненых. Мы с Мишей сумели добыть немного еды и перевязочные материалы. Сейчас он принесет это все сюда. И еще нам удалось захватить несколько винтовок. Кто умеет стрелять?

Поднялось сразу два десятка рук. Тут мне за шиворот посыпались комья земли и сверху упали два тюка с барахлом, а вслед за ними скатился Барский.

– Пожалуйста, организуйте кормежку и перевязку! Марина, займешься?

Девушка кивнула и принялась разворачивать тюки. Несколько девчонок бросились ей помогать.

– Умеющие держать в руках оружие, подходите ко мне!

Через пару минут я выяснил, что значок «Ворошиловский стрелок 2-й степени», который висел на груди каждого второго, показывает, что его владелец сдал нормативы по стрельбе из боевой винтовки. Ого, а предки умели готовить молодое пополнение! Впрочем, что еще ждать от детей командиров РККА? Умения вышивать крестиком? «Лишние» «маузеры» быстро нашли новых хозяев. Пареньки сра-

зу разобрались в устройстве трофейного оружия и начали деловито делить патроны. Вышло по сотне на ствол.

– А где вы оружие взяли? – подозрительно спросил Коля. Как раз ему винтовки не досталось – недотянул по показателям, имел значок первой степени. Он попытался было претендовать на АВС, но я быстро пресек эти поползновения.

– На дороге нашли! – ответил я, отворачиваясь от не в меру любопытного парня (его отец, случайно, не особист?).

– Мы четверых фашистов убили! – гордо пояснил Барский. Теперь на нас смотрели совсем другими глазами.

– Ты это... вместо того, чтобы языком трепать, – сходил бы посмотрел, где Пасько застрял! – приказал я нашему новому супергерою. – Только один не ходи – прихвати с собой кого-нибудь.

– Есть! – бодро ответил Барский и, жестом поманив одного из пацанов, стал выбираться из оврага.

– И поосторожней там! – напутствовал я вслед. – Увидишь немцев – не высовывайся, только следи!

Пасько отыскался через полчаса, как раз к тому моменту, когда я обошел всех уцелевших и стоял над телом девчонки лет восьми, серьезно покалеченной при бомбежке – ей перебило обе ноги. Стоял уже минут пять – малышка напоминала мою младшую дочку. Старик внимательно осмотрел пребывающую без сознания девушку и, мельком глянув мне в глаза, едва заметно покачал головой. Блин, а то я без него не вижу, что жить бедняжке осталось пару дней. Был бы под бо-

ком госпиталь с реанимацией и антибиотиками – ее бы спасли... А здесь она обречена.

– Что скажешь, дед? – отведя старика в сторонку, тихо спросил я.

– Не знаю, хлопчик, что и сказать... У тебя здесь три десятка тяжелых. И половина из них – не жилыцы.

– Это я и так вижу. Чем помочь можешь? Хоть какие-нибудь лекарства, бинты, еду можешь достать?

– Надо сход собрать и с мужиками поговорить. Возможно, что заберем всех в деревню. Солдат бы не взяли, побоялись, а детишек, я думаю, возьмут...

– Хорошо, иди, собирай свой сход. Когда ждать ответа?

– Думаю, к полудню обернусь! – пообещал Пасько и, тяжело вздохнув, смахнул катящуюся по щеке слезу.

Когда Игнат ушел, я поставил два караульно-наблюдательных поста, организовал смену и присел, привалившись спиной к земляной стене, устало вытянув ноги. Нет, все-таки придется принять еще пятьдесят граммов... Хм, поздно вспомнил – флягу с водкой я отдал в качестве антисептика. А как еще успокоить бурлящий в крови адреналиновый шторм?

Подошла Марина. Молча протянув кусок хлеба с салом и крышку от трофейной фляги с водой, девушка села рядом. Пока жевал, она невидяще смотрела в противоположную стену. И думы явно были чрезвычайно тяжелыми – несколько раз ее щеку дергал нервный тик. Потом я заметил в ее

пышных каштановых волосах серебристые пряди. Господи, а ведь ей не больше семнадцати лет! Что с ней сделал всего один день войны?

– Ты сама-то поела?

– Да, – равнодушно ответила Марина, продолжая пялиться в никуда. И вдруг резко повернулась ко мне. – Ты правда их всех убьешь?

– Правда! – отвечаю, глядя ей в глаза. – Буду карать гадов, пока сам не сдохну!

– Ты только попробуй сдохнуть, пока не найдешь и не убьешь всех! – огорошила девушка. – Миша сказал, что ты допрашивал пленного и узнал номер части.

– Узнал. Одиннадцатая танковая дивизия здесь орудует. Скорее всего, те ублюдки, что наших вчера... тоже оттуда.

– Значит, мы теперь знаем, кого искать!

– Знаем... – киваю. – Только я на номер части смотреть не стану. Буду резать всех фашистов без разбора. Чем другие лучше этих танкистов?

– Да, это верно... – устало согласилась Марина и вдруг, развернувшись ко мне всем телом, горячо спросила: – Ты меня стрелять научишь?

– Обязательно! И тебя и всех остальных...

Крохотный бутербродик уже давно съеден, вода выпита, адреналиновая волна откатила, и меня начало ощутимо клонить в сон. Марина, заметив, что я клюю носом, бесцеремонно вырвала из моих рук винтовку и почти силком заставила

прилечь.

– Мишка сказал, что ты ночью так и не спал! Давай-ка, отдохни – ребята на постах, так что... А как крестьяне приедут – мы тебя разбудим!

Несмотря на такие успокаивающие слова, уснул я все-таки с тревожным чувством, в последний момент подтянув к себе за ремень «маузер».

Глава 7

Пробуждение оказалось не из приятных – спал-то, скрючившись, на голой земле. С большим трудом, преодолевая боль в суставах и одеревеневших мышцах, я встал, опираясь на винтовку, как на костыль, и осмотрелся. Судя по изменившемуся освещению оврага, солнце уже давно минуло зенит, а следовательно, в полдень меня так никто и не разбудил. Раненые лежали на своих местах, а вот здоровых видно не было. Только две девчонки неподалеку делали перевязку обожженному мальчику. Их я и окликнул:

– Эй, а где народ? Где все?

– Так в поле они! – фразой из незнакомого в этом времени анекдота ответила младшенькая, обладательница смешных косичек.

– А что они там делают?

– Не знаю, – пожалала плечами девчонка и, вопросительно посмотрев на меня (вдруг еще что-нибудь спрошу), вернулась к перевязке.

– Ладно, пойду посмотрю, – руки и ноги по-прежнему отказывались сгибаться и разгибаться в штатном режиме, поэтому я при каждом движении кряхтел, как старый дед.

К моему несказанному удивлению, поставленный утром часовой исправно нес службу. Он даже наблюдал за местностью так, как я ему показал, – по секторам.

– Что происходит? Где все? – спросил я парня.

– Час назад я засек движение возле леса. Несколько человек. На немцев было непохоже. Будить тебя из-за пустяка не стали, отправили двух ребят в разведку. Они почти сразу вернулись и сказали, что там красноармейцы с командиром. Раненые. Ну, наши и отправились им помочь... – доложил часовой.

Тихим незлобным словом помянув доморощенных мастеров караульной службы, я быстро осмотрел окрестности. Никого вокруг не обнаружил, только в указанном направлении наблюдалась группа людей. Понять с расстояния в километр, чем они занимаются, я так и не смог. Прошло пять минут, и люди на поле прекратили непонятное шевеление и двинулись в нашу сторону. Скоро я рассмотрел – ребята кого-то тащили. Именно «кого-то», а не «что-то». Предметы так бережно не носят. Значит, действительно нашли раненых красноармейцев?

Вскоре ответ на этот вопрос принесли прямиком к моим ногам. Три молодых парня в защитной униформе непривычного дизайна – конечно, гимнастерки я в кино видел, но что они длиной чуть не до середины бедра? У двоих на ногах уже виденные давеча обмотки, а третий щеголял синими шерстяными бриджами. У обладателя роскошных штанов, кроме них, был и другой отличительный знак – фуражка. В общем, по таким дурацким предметам (просто находка для снайпера!) я и отличил командира от солдат – поскольку со-

вершенно не разбирался в знаках различия. Петлицы командира оказались черными, и на них размещались два красных квадрата и скрещенные топоры. У одного из бойцов петлицы были малиновыми с одним треугольником, у второго – красные, и на них красовались аж четыре треугольника, напоминающих зубья пилы. Ну и кто они по званию?³⁶

Все трое были ранены, замотаны окровавленным тряпьем, причем офицеру оставалось жить не больше часа, максимум двух. Лицо цвета мела, губы синие, под глазами – черные круги. В сочетании с раной на груди – это очень нехорошие симптомы. Я, хоть и не врач, могу безошибочно поставить диагноз – проникающее в легкое, пневмоторакс. Насмотрелся на такое. Повязку неплотно наложили, вот воздух в легкое и проник. А теперь – всё. В полевых условиях нам его не спасти. Красноармейцам повезло больше – простреленное бедро у одного и колено у другого. Принесли и их оружие – мосинка, наган в кобуре. Следом нарисовался и туго набитый вещмешок.

– Вы кто такие, ребятки? – доброжелательно спросил парень с «пилой» на петлицах. Он выглядел постарше своих товарищей – лет двадцати пяти, даже усы у него росли нормальные, а не две волосинки в шесть рядов. – Что тут делаете?

– Эвакуированные. Семьи комсостава. Я сын комполка

---

³⁶ Лейтенант инженерных войск, сержант интендантской службы, старшина пехоты.

Игорь Глейман.

Надо же – парень попытался лежа изобразить строевую стойку. Похоже, что в этом времени к офицерам относятся с уважением, если солдатик даже на меня, простого пацана, так реагирует. Да, я знал, что сейчас слово «офицер» не в ходу, но в мыслях по привычке называл красных командиров именно так. Главное – вслух не ляпнуть.

– Старшина Петров. Владимир, – представился усатый. – Со мной лейтенант Макаров и младший сержант Гончарук.

– Наш эшелон разбомбили, а всех уцелевших вчера танками передавили. Здесь всего полсотни человек осталось, – объяснил я старшине. – Самому старшему шестнадцать лет. Несколько тяжелораненых... А вас где угораздило?

– Ехали на полutorке по... своим делам. Напоролись на мотоциклистов. Лейтенант сразу пулю в грудь словил, а мы с сержантом – уже когда выскакивали.

– Как общая обстановка? Что вокруг происходит? Мы тут уже сутки сидим, и только немцы вокруг...

– Львов вчера оставили, – после длинной паузы сказал старшина. – За Броды бои идут. Но Ровно вроде наш...

– Вас когда подловили?

– Часа два назад.

– Где именно? Направление, расстояние?

– В двух-трех километрах отсюда, вот там! – Петров махнул рукой на юго-восток.

– Понятно... Мы практически в окружении... Ладно, зна-

чит, на помощь надеяться бесполезно, надо выбираться самим и вас вытаскивать. Еда, перевязочные средства есть?

– Было два индпакета... Лейтенанта перевязал и себя. Гончарук сам перевязался. Еда... Вещмешок я прихватить успел! Где он? Там тушенка была!

– Здесь он! – сказал кто-то из пацанов, поднимая над головой мешок.

– А я щось ухопити не встиг!³⁷ – подал голос сержант. – Сам не пам'ятаю, як з-за керма вискочив... І сидір і вінтарь... в машині залишилися³⁸.

– Ладно, товарищи, кончаем собрание! – громко сказал я. – Несите раненых в овраг! Не хрен здесь светиться – фашисты рядом бродят!

Пропустив вперед парней, я притормозил за локоть Барского.

– Миша, это ты командовал спасательной операцией?

– Спасательной... что? Ах, ты имеешь в виду...

– Кто догадался идти за бойцами?

– Я, но я хотел...

– Ты понимаешь, что этим поступком вы подвергли всех нас огромной опасности?

– Но там же были раненые бойцы! – возмутился Барский.

– Да, их надо было вытащить обязательно! – твердо отве-

---

³⁷ А я ничего схватить не успел! (укр.)

³⁸ Сам не помню, как из-за руля выскочил... И сидор и винтарь... в машине остались (укр.).

тил я. – Но не так, как это сделали вы!

– А... как? Мы ведь взяли их и несли...

– Я не про способ переноски, дурачок! Вот скажи мне: вы охранение обеспечили? Дозор выставили? О сигналах взаимодействия договорились?

Барский только глаза выпучил и в полном обалдении покачал головой. Похоже, что о таких вещах он даже не задумывался. В общем-то и немудрено – он всего лишь шестнадцатилетний паренек, сын офицера, а не сам офицер. Тактике его не учили, хорошо хоть, что стрелять умеет.

– Сейчас вам просто повезло, а если бы на вас неожиданно выскочили немцы? Вы бы все там и легли, вместе с ранеными. А потом бы и наша очередь пришла. В результате из-за глупости шести малолетних долбоебов, возомнивших себя крутыми разведчиками...

– Да понял я все, понял! – почти крикнул Барский. – Игорь, прости, я не подумал...

– В следующий раз захочешь погеройствовать – спроси меня, как это сделать, чтобы все, кроме врагов, остались целы? Договорились?

– Хорошо!

– Славно, что ты понял! А теперь пойди и проверь посты! После проводи ревизию продуктов и всего остального, что имеем... Будем готовиться к передислокации.

– Но ведь здесь очень хорошее место! И замаскировано хорошо, и вода есть!

– Ага! А еще про это место дед Пасько знает! Он обещал прибыть к полудню, а сейчас уже часа три, если по солнцу судить. Опаздывает старик. Боюсь, как бы чего не случилось!

– Ты думаешь, что он?..

– Добровольно он нас не предаст, не тот человек! Но если попадется – под пытками выдаст. Пыток никто не выдерживает!

– Я под пытками ничего не скажу! – гордо вскинул подбородок Барский.

– Ладно, иди уже, храбрец! – не буду разочаровывать парня – под достаточно квалифицированными пытками сдаются все.

Спустившись в овраг, я подошел к лейтенанту. Он уже скончался – Марина закрывала ему глаза. Повезло в некотором роде – не мучился. А вот девчонка с перебитыми ногами, что рядом лежит, – все еще цепляется за жизнь, бедолага. С такими-то ранами... На миг у меня затеплилась надежда – а ну как все-таки дотянем ее до своих? Вряд ли, конечно, но вдруг?

Я присел рядом с трупом молодого офицера и быстро обшарил его карманы. Ремень с кобурой с него сняли при перевязке, но нам сейчас любая мелочь полезной будет. Так, в бриджах смятый платок и небольшой кожаный портмоне. Что внутри? Фото курносой улыбающейся девушки, четвертушка бумаги с расплывчатыми неразборчивыми каракулями, три рубля одной бумажкой и несколько мелких монет.

Все это в нашем положении – ненужный хлам. Нагрудные карманы... Через правый прошла пуля – лежавшие там бумаги пробиты и окровавлены. Я развернул их, но понял только, что это два листка из блокнота, исписанных химическим карандашом. Похоже на письмо домой. А вот левый карман оказался пуст. Странно, ведь именно в нем должны были быть документы. Возможно, старшина забрал? Надо с ним пообщаться более предметно... Что-то он явно не договаривает...

Разгибаюсь и вижу, что Марина смотрит на меня как-то странно. Неодобрительно, что ли...

– Что случилось? – спрашиваю, машинально убирая обратно в карман лейтенанта портмоне и неотправленное письмо. Взгляд Марины немного смягчается. Так вот в чем дело – меня заподозрили в мародерстве!

– Ничего! – отвечает девушка и отворачивается. Нет, так дело не пойдет! Надо разобраться до конца, а то мне еще скандалов тут не хватало.

– Постой! Надо поговорить! – Я сажусь напротив Марины. – Ты недовольна тем, что я лазил по карманам лейтенанта?

Девушка, стараясь не смотреть мне в глаза, закусывает губу и кивает.

– Видишь ли, я обшарил его карманы не для того, чтобы использовать найденное в целях личного обогащения, как это делают мародеры. Я сделал это, чтобы помочь всем нам.

Понимаешь разницу?

Девушка ошарашенно качнула головой.

– Вот скажи: нам нужна еда, медикаменты, боеприпасы?

– Да, конечно!

– А если бы у него в карманах лежали плитка шоколада, бинт, патроны? Очень нужные нам вещи! И никто, из чувства брезгливости, так и не нашел бы их! А потом нам для перевязки не хватило бы именно этого мотка... Или для выстрела по врагу – именно пары патронов из чьего-то кармана! И нас убьют, а потом прикончат всех раненых, что лежат вокруг! Зато мы погибнем с чистыми руками, так?

Марина задумалась над нарисованной мной картиной. Краем глаза я увидел, что вокруг стоят несколько пацанов и весьма внимательно прислушиваются к разговору. Ну, пусть мотают на ус – глядишь, у них станет больше шансов на выживание.

– Ладно, подумай над этим, а я пока пойду пройдуся... – легонько тронув девушку за плечо, поднимаюсь, подхватываю винтовку и топаю к выходу из оврага. А девчушка-то, что на мою младшенькую похожа, в сознании! Присаживаюсь рядом.

– Как тебя зовут, солнышко?

– Света, – шепчет бедняга.

Да, плитка шоколада сейчас бы не помешала...

– А меня Игорьь.

– Я знаю, – едва заметно кивает Света.

– Ты... держись, солнышко! Помощь скоро придет!

Встаю и быстро, не оборачиваясь, ухожу. Ох, как нехорошо детей обманывать...

Часовой на месте, бдит. Рядом сидит еще один мальчишка, из тех, кому винтовки не досталось.

– Что нового?

– Ничего, Игорь! Все спокойно! – доложил часовой.

– Вот это и странно... Где же крестьяне застряли? А ну-ка, ты! – показываю пальцем на безоружного. – Позови сюда всех ребят своего возраста.

Через пару минут вокруг меня толкались семь мальчиков, в возрасте от восьми до двенадцати лет.

– Товарищи! – обращаюсь к пацанам солидно, по-взрослому. – Нам нужно отправить разведку. Нужны добровольцы. Кто из вас готов пойти?

Ну, другого я не ожидал – руки подняли все семеро. Однако мне нужны мальчишки, которые с первого взгляда могут сойти за местных. Поэтому паренек с ярко выраженными семитскими чертами – кучерявый брюнет с огромным носом, карими глазами и оттопыренными губами – сразу отвергается. Посылать такого в разведку – сразу подписать ему смертный приговор. Затем я забраковал мальчишку в очках – вид у него чересчур интеллигентский. Из оставшихся пятерых мне глянулись двое. Оба белобрысые, загорелые чуть не до черноты (и когда успели – всего треть лета прошла?), голубоглазые, похожие друг на друга одинаковыми квадратными

подбородками с глубокой ямочкой.

– Братья?

– Да, родные, – кивает мальчишка постарше.

– Как зовут?

– Меня Антоном, а его Володькой, – подает голос младший.

– Кто отец?

– Капитан Караваев, командир роты.

– Обувь снимите!

Великая сила патриархата – старший сказал – молодежь сделала! Наши тинейджеры разве без объяснений такую команду бы выполнили? Да хрен там – еще и послали бы далеко и надолго. А эти сразу скинули ботинки и носки.

– Босиком много бегали? – сразу оцениваю мозолистые пятки.

– Постоянно! – солидно «басит» младший. – И в лес и на речку...

– Молодцы! – За что похвалил? За здоровый образ жизни? – Вот вы в разведку и пойдете! Остальные свободны!

Народ понуро расходится. Очкарик даже обиженно хлопает носом – вот-вот заревет. Как же – не дал подвиг совершить. Успеете еще, ребяташки, навоюетесь...

– Штаны закатать, рубашки снять! – командую своим «глазам и ушам». – Вид у вас должен быть совершенно мирным. Чтобы ни одна немецкая сволочь не заподозрила в вас сыновей красного командира! Начнут расспрашивать – вы

здешние, из деревни Татариновка. Запомнили?

Братья синхронно кивают.

– Кстати, туда вы и пойдете! Дедка, что со мной утром пришел, – видели?

– Да! – хором отвечают пацаны.

– Вот его и надо найти. Он нам помощь обещал и что-то задерживается. Зовут его Игнат Пасько. Если местные спросят – вы его внучатые племянники. Но особо старайтесь с деревенскими не разговаривать – только дорогу спрашивайте, и все. Косите под дурачков.

– Как косить? – удивился Володя.

– В смысле – прикидывайтесь глупыми. Будут вопросы задавать – рот откройте, словно не понимаете, затылок чешите, в носу ковыряйтесь. С дураков спрос меньше. Поняли?

– Да, – задумчиво отвечают юные разведчики.

– Проверим... Вы кто такие, откуда приехали?

– А... мы это... деда ищем... – очень натурально принялся бутафорить Володя. Антон так и вообще – разинул рот так, что стали видны гланды, выпучил глаза и начал чесать в затылке.

– Володя – очень хорошо! А вот Антон переигрывает! – оценил я. – Хотя... для местных сойдет! Вы в школьном драмкружке не играли?

– Меня не взяли! – вздохнул Володя. – А я хотел Чапая играть!

– Ну, может, еще и сыграешь! – ободряю паренька. – А

теперь смотрите, я нарисую, как до деревни добраться.

Прутиком черчу на земле местные ориентиры, нитку железки, примерный путь в деревню. До нее отсюда не больше трех-четырех километров.

– По дорогам лучше не ходить, но чтобы не заблудиться – идите параллельно. Немцам на глаза не попадайтесь, но если все-таки попадетесь – не пытайтесь бежать. Бегущий сам по себе подозрителен. Встаньте и рты раскройте – словно никогда чужаков не видели. В общем, ваша задача – найти старика. Даже если увидите у дороги пулемет с полной лентой – просто запомните, где он стоит! Не вздумайте стрелять по фашистам! Пройдите тихо и аккуратно, шепотом! Все поняли?

– Да! – серьезно отвечает Антон, а Володя просто молча кивает. Похоже, прониклись.

– И еще... На случай если вы задержитесь и мы сменим дислокацию – вот под тем камушком я оставлю записку с нашими новыми координатами или объясню, в каком направлении нас искать. Ну, с бо... Удачи, товарищи!

Мальчишки уходят с гордо поднятыми головами. Я незаметно крещу их в спину. С богом, ребятки, с богом!

Глава 8

Едва я успел проводить разведку, как на меня буквально наскочил взъерошенный Барский. Таким я его видел только непосредственно после вчерашней бомбежки.

– Игорь, там...

– Да ты отдышись, Миш, не горит же?

– Фух! – Миша послушно продышался. – Тебя старшина зовет!

– Вот ведь... Хм... Ладно, пойдем...

Выглядел Петров неплохо, хотя для фотосессии на плакат, рекламирующий отдых на курортах, не годился. Дождавшись, когда Барский, потоптавшись рядом, понятиливо кивнул и удалился, старшина сказал:

– Игорь, ты здесь старший или еще кто-то есть?

– Вроде как я...

– Что, вообще никого из взрослых не осталось?

– Были офи... командирские жены, но их всех вчера фашисты танками передавили.

Петров молча кивнул, но особо удивленным не выглядел. Видимо, кто-то из наших уже успел поведать ему подробности вчерашней бойни.

– Хорошо, тогда я попрошу тебя... Мы не просто так ехали. Мы по очень важному делу ехали, когда на фашистов напоролись. Со мной еще несколько бойцов было – я их на

разведку послал.

– Хочешь продолжить выполнение задания? А от нас что требуется? Огневая поддержка? – усмехнулся я.

– Нет, до такого, думаю, не дойдет... – вернул мне усмешку старшина. – Но вот послать пару мальчишек на то место, где вы нас нашли, вам вполне по силам. Парни из разведки вернутся – а нас на месте нет. Вот пусть их сюда и приведут.

– Это я устроить могу. Контрольное время?

– До завтрашнего полудня.

– Эх... мы, может, уже сегодня отсюда снимемся...

– Здесь опасно? – удивился Петров.

– Сейчас опасно везде – ведь мы во вражеском тылу. Прямой угрозы пока нет, но есть основания считать, что это место может стать известным немцам. И тогда все преимущества тайного укрытия сыграют против нас – отсюда не сбежать. Тем более с ранеными. Ладно, пацанов я пошлю... – и спросил, увидев, что старшина о чем-то задумался: – Что-то еще? Условные знаки? Пароли?

– А... нет, – покачал головой Петров. – Ничего такого мы не обговаривали. Пусть просто назовут красноармейцам мое имя. Пожалуй, это все. Вот только...

– Что?

– Водителю нашему ничего не говори! Он не из нашей части – приданный. И всего ему знать не положено! Понял?

– Понял...

Во что нас хотят втравить? Словно мало было вчерашних

ужасов. А тут еще и старшина со своим секретным заданием. Я кивнул Петрову и пошел искать давешних добровольцев-разведчиков. Вся отвергнутая пятерка так и пребывала в стойком депрессняке – сидели с хмурыми лицами, даже не разговаривая между собой. Так обиделись, что в разведку не послал? Эх, детишки, и когда вы поймете, что такие задания опасны, и начнете ценить подаренную мамой и папой жизнь...

– Товарищи! – снова обращаюсь к мальчишкам подчеркнуто серьезно. – Для вас есть специальное задание!

Пацаны дружно встали, всем своим видом выражая бодрую готовность к подвигам.

– Наполнить водой флягу и ждать меня у первого поста!

– Есть! – нестройно, но громко ответили мальчишки и бегом бросились выполнять команду. Нда... Всем скопом наполнять одну фляжку... Распределить обязанности они не догадались. Ничего, я еще сделаю из вас нормальных бойцов... Блин, и о чем думаю? Им ведь по десять лет, их в тыл вывозить нужно, а не натаскивать против фашистов!

Вылезаю из оврага и привычно оглядываюсь. Пока вокруг спокойно, но долго ли продлится это благолепие? Нет, надо отсюда ноги делать, и как можно быстрее – пока не установилась стационарная линия фронта и есть шанс проскочить между кусками «слоеного пирога». Но как это сделать, имея на руках три десятка раненых? Транспорт, нужен транспорт!

Вскоре появились радостные мальчишки и отвели меня

на место находки раненых красноармейцев. Я показал ребятам, как найти и обустроить место для секрета, и установил порядок дежурств. Заодно объяснил, что не надо с радостью кидаться к первым же увиденным мужчинам в нашей военной форме, так как среди таких вполне могут найтись переодетые враги. Пацаны восприняли это сообщение с огромным удивлением – им такая простая мысль в голову не приходила. Пришлось дополнительно разъяснить, как вести себя при обнаружении посторонних людей, – подходить к ним только по одному, а второму страховать. Чтобы успеть вовремя предупредить нас, если что-то пойдет не так. И ни в коем случае не приводить никого в наше укрытие, даже если встреченные окажутся самыми-пресамыми настоящими бойцами Красной Армии.

В процессе инструктажа выяснилось, что мои караульщики хоть и являются детьми кадровых военных, имеют весьма смутное представление об организации дозорно-патрульной службы. Пришлось на ходу учить мальчишек основам маскировки и наблюдения. Ну, супервоинов я из них не сделаю, но даже такие элементарные знания хоть немного помогут пацанам выжить на войне.

В «расположение» я вернулся, когда солнце ощутимо склонилось к закату. Меня встретил Барский и встревожено сообщил, что несколько минут назад обнаружилась пропажа сержанта Гончарука.

– Не понял? Он что – уполз?

– Нет, он ходячий оказался! Маринка его три часа назад перевязывала и сказала, что колено не прострелено, а только поцарапано. Ну, он сразу духом и воспрянул – стал ходить по оврагу, с ребятами разговаривать, шутить... Потом спросил, куда мы по нужде ходим, – и ушел. А хватились его только через час. Проверили отхожее место – его там не было. Я уж хотел кого-нибудь отправить поискать в ближнем леске, но ведь ты запретил геройствовать без твоего ведома. Вот я и решил тебя дожидаться.

– Правильно решил! Срочно опроси всех наших, с кем разговаривал Гончарук, и выясни, на какие темы шел разговор. А перед этим проверь – на месте ли вещи сержанта и не пропало ли что из нашего имущества и продуктов.

– Ты его подозреваешь? – с сомнением в голосе спросил Барский.

– Да! – твердо сказал я. – В первую очередь отработаем версию сознательного побега. Если ошибемся и он просто заблудился в рощице – я первым перед ним извинюсь за подозрения. Однако в таких случаях лучше перебдеть.

– Хорошо, я все сделаю, – понятиливо кивнул Миша. – А ты?

– А я пойду пошарю в окрестностях. Вдруг он действительно где-то под кустом заснул... Но перед этим схожу побеседую со старшиной... Давай, Миша, действуй!

Барский убежал выполнять распоряжения, а я пошел к Петрову.

– Пост для встречи твоих солд... бойцов я выставил. Однако тут у нас возникла другая проблема – пошел поссать и не вернулся ваш шофер – Гончарук.

– Вот блядь! – в сердцах плюнул Петров.

– Ты именно чего-то такого и ждал, да, старшина? – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал я.

– Ну, в общем... Не так прямо... Но чего-то подобного, – скривился, словно от зубной боли, Петров. – Еще утром, когда в машину грузились, я в нем какую-то гниль почуял. А чуйка у меня... Эх! Вот ведь сука!

– И чего с ним теперь делать, если поймаем? На месте валить или как?

– Хм... валить... я такого слова... – удивленно посмотрел на меня старшина. – Ты точно сын командира? А то у тебя иногда проскакивает...

– Феня? – усмехнулся я.

– Она самая! – поджал губы Петров. – Я-то беспризорником в детстве был, так что слышал, как эта блатная музыка звучит. А вот ты откуда такие слова знаешь?

– Сосед по коммуналке научил! – многозначительно улыбаюсь. Старшина в ответ сдержанно хмыкает – понял, что правды не узнает, да и ни к чему это.

Подлетает запыхавшийся Барский.

– Это... Игорь... я узнал...

– Да ты успокойся, а потом докладывай! – советую, кладя руку на плечо напарника.

– Гончарук ходил и расспрашивал всех о родителях. Кто кем служит и вообще... И мы не нашли мешка с салом.

– Так... Понятно! – смотрю на Петрова. Тот едва заметно пожимает плечами – мол, а что я? Я-то здесь при чем? А кто нам «трояна» привел? – Пойдем, Миша, надо к срочной передислокации готовиться! А то нас здесь как слепых щенков переловят!

Отвожу в сторону недоумевающего Барского.

– Быстро! Бери двух ребят и отправляйся искать новое место для схрона!

– Для чего?

– Для укрытия, твою мать! Бегом! Надеюсь, что мы успеем отсюда убраться, прежде чем... Давай, Миша, давай, дорогой! Поспеш! Маринке скажи, чтобы вещи паковала и раненых к переноске подготовила. Пусть всем повязки проверит.

Эх, поздно пить «Боржоми»! Если Гончарук действительно решил нас продать, то нам осталось не больше часа.

– Мишка, стоять!

Бегущий Барский резко разворачивается.

– Не успеваем мы! На разведку времени нет!

– А что делать-то, Игорь? – Миша закусил губу.

– Товарищи! – я возвысил голос. – Все, кто может ходить, – подойдите ко мне!

В течение минуты вокруг меня собралось два десятка мальчишек и девчонок.

– У нас сложилась опасная ситуация! Укрытие в этом

овраге может стать известным врагу. Надо уходить отсюда немедленно. Хватайте всех, кого сможете, и идите на восток вдоль железки! Тяжелых – в первую очередь. Барский! Пойдешь впереди на расстоянии двухсот метров. Кто еще у нас с оружием?

– Они на постах! – напомнил Барский.

– Ага! Ну, пусть пока остаются... Все остальные – за работу!

Ребята шустро разбежались. Внимательно присматриваюсь к их действиям – никакой паники или спешки. Большая часть достала самодельные носилки и начала перекладывать на них раненых, другие разделили между собой уже увязанные тюки с продуктами. Видимо, кто-то заранее распределил обязанности.

«Кто-то! – подумал я. – Командир-то – ты! Хоть и самоназначенный, как тот король лемурув из мультика. С другой стороны... раз подчиненные сами решили этот вопрос – это только плюс командиру. Значит, грамотно назначил ответственных!» Хорошо, раз каждый солдат знает свой маневр, пора и мне делом заняться – пойду пройдуся, поищу этого... гипотетического предателя. Может, ему реально поплохело, и он где-то под кустом завалился. А мы тут про него подумали невесть что. Впрочем, если Гончарук реально задумал сдать фашистам и нас продать, то на хромой ноге далеко не уйдет. Есть шанс его перехватить. Маленький, правда, ведь за час он мог ухромать километра на два-три в любую сто-

рону, но все-таки есть.

– Эй, парень! Игорь! – внезапно громко позвал меня старшина. – Подойди!

Ну и чего ему надо? Пробираюсь к Петрову, маневрирую среди деловито суетящихся ребят.

– Я так понимаю, что вы к эвакуации готовитесь? – спросил старшина, когда я присел рядом.

– Не волнуйся, ребята второй ходкой тебя заберут. Мы и своих-то не сможем сразу всех забрать. Кстати... – я поймал за руку пробегающую мимо Марину. – Сколько человек останется?

– Восемь! – не раздумывая, ответила девушка. Видимо, просчитала варианты заранее. – Пять мальчишек и три девочки. Это не считая Бори и Славика, которые сейчас на постах. Ты ведь приказал их не трогать...

– Они там нужнее! Фашисты могут в любую минуту нагрянуть.

– Да я понимаю... – глядя в сторону, сказала Марина. – Но все-таки это два носильщика. Да братьев Караваевых ты куда-то отправил, и потом еще пятерых мальчиков. Хорошо, что трое вернулись. Были бы здесь все – мы, может, сразу бы всех раненых смогли забрать...

Я только скрипнул зубами – переигрывать поздно. Что сделано, то сделано.

– Так надо, Марина. Поверь мне! – с нажимом сказал я, стараясь заглянуть девушке в глаза.

– Конечно, так надо... – отстраненно ответила Марина, – я пойду? Дел много...

– Иди! – обреченно машу рукой и поворачиваюсь к старшине. – Ну, ты сам все слышал.

– Не переживай, парень! Командирское дело – оно такое... сложное! – серьезно заявил Петров. – Иногда приходится решать – кому жить, а кому умереть!

Блядь, а то я не знаю! Что он мне, как пацану, прописные истины вещает? Сколько я друзей похоронил...

...Держали мы как-то раз село. Сербское. А боснякам оно для чего-то очень сильно требовалось, и давили они на нас со страшной силой. Старались. Народу нагнали – как бы не тысячу, артиллерию подтянули – пару пушек да пару гаубиц. При том, что у нас чуть меньше сотни бойцов да три миномета. И даже при таком соотношении мы четыре дня продержались.

Только на пятый день понятно стало, что не удержать нам села. Мины кончились, патронов по сотне на ствол осталось. Еще немного – и поляжем все. А как поляжем – муслимы по нашим трупам в село войдут и жителям тотальную зачистку устроят. Собрался я тогда с сербским капитаном на военный совет, и решили мы: граждан вывести надо, а там и самим когти рвать. Решить-то решили, а как выполнять? Мужчин в селе нет, остались дети малые, старики, что еле ноги переставляют, и бабы... Им через горы в одиночку идти – смерть верная. Ногу кто подвернет на камнях – кто понесет? Или

РДГ босняков просочится – перережут всех. И предложил я тогда капитану: он со своими ребятами граждов через горы поведет. Поможет, если кого нести придется, и прикроет в случае чего. Мы ему четыре часа даем – и за ним.

Перед рассветом они ушли. А мы остались. Четыре часа держались, потом еще час – для верности, а потом... Потом нам совсем худо стало. Припекло по полной. Половина домов уже в их руках, и похоже, что окружают нас. Мы в ответ и сделать ничего не можем – прижали нас огнем так, что головы не поднять. Еще чуть-чуть – и не вырвемся. А у нас три двухсотых и пять трехсотых. И всех вынести надо, даже мертвых. Потому как мы уже насмотрелись, что босняки с телами наших павших делают.

Собрал я тогда всех бойцов в кулак, и рванули мы на прорыв. Что удивительно – прорвались! Причем без потерь – настолько враг такой наглости от нас не ожидал. Но минут через двадцать они очухались, нам на хвост упали и не слезают, суки. И самое сволочное, что горы эти они лучше нас знают. Нам бы оторваться рывком, но с ранеными – хрен выйдет!

Тропка вьется, точно змея, у которой колики желудочные приключились. И все время в горку... Слышу – ребята дышат, точно кони запаленные. А это – первый звоночек. Еще минуток десять – растянется отряд, а потом... Потом последние просто ложиться начнут. Вроде как лучше разом отмучиться, чем ждать, пока от натуги сердце не сдюжит... А остальные, на это глядя, рассудят: чем своих бросать, так уж

лучше смерть всем вместе принять, чтобы не думали босняки, что мы своих оставить можем. Тут-то всем и придет пиздец. Подкрадется незаметно. И как мы жизни свои в последнем бою разменяем – никто никогда не расскажет. Домой весточку не пришлет, что, мол, не ждите сына, мужа, брата, отца... Потому как и не узнает никто, где мы, brave такие, полегли.

Решения на войне надо принимать быстро... Выбрал троих: Димку «Мордвина», Степку «Шурика» и Володьку «Клюку». Фамилия у него Калюкин, отсюда и прозвище.

– Парни! Продержитесь пару часиков! – сказал я им. – Нам бы только своих догнать и трехсотых до лепил дотащить. Вы ж самые здоровые у нас. Бегом нагоните. Не на смерть вас тут бросаю, а на дело. Всего-то два часа и продержаться, а?..

Молчат. Вижу – боятся. А кому ж помирать охота? Ладно, поговорим по-другому.

– Тогда так, парни... Приказ простой: вон на том повороте – перекрыть тропу! Клюка – за старшего. Два часа держаться, потом догнать остальных. Приказ ясен? Вопросы есть?

Вроде и дело-то простое. Два часа горную тропу под прицелом подержать – левое дело. Тем паче что у Клюки и Мордвина не просто калаша – ручники! Приказал я остальным ребятам патронами скинуться, гранаты им, какие были, оставили. Протянул Клюке фляжку свою заветную, в которой не водка и даже не спирт – коньячок! Держи, мол, Клю-

ка, хлебни для бодрости, и парням своим дай, чтоб носы не вешали раньше времени. А он головой покачал и посмотрел на меня... Так посмотрел, что меня аж перекорежило. Я даже головой мотнул: чертовщина вдруг в башку такая полезла, что и не пересказать...

Смотрю, а Клюка мне руку протягивает. И говорит тихонечко так, чтобы остальным не услышать:

– Не казись, командир, дело такое... – потом усмехнулся и добавил: – Свидимся еще!

Велел Шурику и Мордвину гранаты-патроны собрать и потопал к повороту. Я ему все в спину смотрел, ждал – не оглянется ли? Очень мне надо было глаза его снова увидеть. А он не оглянулся...

Только они за поворот ушли, поднял я остальных, и двинули мы дальше. Сперва шагом, чтобы отдышались парни, а потом – снова рысью. Все как на марш-броске и положено: рысью – идем, шагом – отдыхаем. Хорошо уже отошли, и тут эхо по горам раскатилось, запрыгало. Видно, наши бой приняли. Поскакало эхо по скалам, погромело и вроде как затихло. У меня и в мыслях худого не было: боснякам оно тоже не в радость снизу вверх на пулеметы лезть. Откатились назад, кто от встречи горячей уцелел, и перегруппировываются. А нашим время тикает: каждая минутка без боя им шансов прибавляет. Так что мы о ребятах особо не тревожились. Как выяснилось – зря!

Только думать мне про них тогда недосуг было: у меня три

десятка лбов, которых из этой передраги живыми вытащить нужно. И желательно – здоровыми. К вечеру догнали сербов, вместе в долину спустились. А там танковый полк стоял, четырнадцать старых «полста пятых», да батальон стрелковый. В общем, граждан мы дальше отправили, а сами в глухую оборону встали. И принялись своих ждать.

Когда к следующему утру парни не вернулись – задергался я. Правда, недолго дергался – через сутки босняки нам «подарочек» спроворили. Подползли, суки, да и зашвырнули на наши позиции три головы. И вот что удивительно: у Шурика и Мордвина глаза закрыты были, а у Клюки – распахнуты широко, и словно внутрь тебя смотрят. Ушел я от ребят подальше и волком завыл. Долго выл. От горя, от тоски, от того, что не вернуть ничего, не исправить, не изменить... А вечером собрал своих самых-самых, сговорил еще с полдесятка царногоров, и пошли мы ответный визит вежливости делать. С десятков босняков тишком в ножи взяли, а четверых – к себе живьем притащили. И тут же, дела в долгий ящик не откладывая, расспросили: кто это к нам такой подарок закинул? И как ребят наших поймали?

Нет, они, ясно, склонности к задушевной беседе не имели. Молчали... минуты три. До тех пор, пока... впрочем, подробности опущу. И выяснилось, что один из пленных – тот самый, что подарочек к нам закидывал. Да не просто закидывал – он, тварь, был из тех, кто Клюку с парнями взял. Обошли и сзади насели. Только Клюка и успел, что одного из

них свалить. Так они ему за это голову живому отрезали...

Троих – тех, что Клюку не брали и не швырялись в нас головами, мы быстренько кончили. На колени поставили, и ножом по горлу. Нет, сальцем их перед этим, конечно, накормили, ну да это-то – святое. Нельзя ж гостей голодными отпускать. А вот того, который...

Вбили мы в землю четыре колышка, привязали его за рученьки-ноженьки. Вылез я в передовой окоп и заорал:

– Эй, вы там! Бляди обрезанные! Я вашу мать ебал, я ваших сестер ебал! Начинаем концерт по заявкам! Сейчас мы вашего Голича живым вскрывать будем! И медленно расчленять! Слушайте его прощальные вопли, суки!

Что тут началось! С той стороны вопли, выстрелы, пленный воеет... Не резали мы его живьем, не резали – сам подход, сердце от страха прихватило. Однако наших ребят эта казнь не вернула...

– Эй, парень, ты чего задумался? – Голос старшины Петрова вырывает меня из плена воспоминаний. – Я тебя чего позвал? Помоги мне наверх выбраться! Если сюда немцы придут, не хочу как крыса погибать. Вытащи меня из оврага и помоги позицию найти.

– Хорошо! – Я помогаю Петрову подняться и надеть тяжелый вещмешок. Его и свою винтовки навьючиваю на себя. Подставляю плечо, и мы ковыляем к выходу, возле которого размещен первый пост. Здесь дежурит Максим Зеленецкий – спокойный пятнадцатилетний увалень, сын батальонного

комиссара. Один из трех обладателей значка «Ворошиловский стрелок» второй ступени в нашей компании.

– Как обстановка? – машинально спрашиваю я, усаживая Петрова на траву.

– Все тихо! – негромко отвечает Максим, продолжая наблюдать за окрестностями. На нас он только слегка покосился. Молодец – не отвлекается!

– Я тебя просил пару запасных позиций присмотреть, ты присмотрел? – задаю вопрос без особой надежды.

– Конечно, Игорь! – степенно кивает Зеленецкий. – Я даже сектора обстрела с них проверил. Ты ведь посоветовал каждый час небольшие скрытные обходы делать... Показать?

– Пойдем! А ты пока здесь позагорай, мы быстро! – последняя фраза предназначена старшине. Отдаю ему винтовку. – За обстановкой проследи! Если что – свистнешь!

Петров кивает, деловито пристраивая ствол на снятом сидоре. Только сейчас я замечаю, что мосинка у него нестандартная – рычаг взведения затвора не торчит вбок, а отогнут книзу. Так это же снайперка! Вон и планка под прицел. Только самой оптики нет. Все-таки непростой боец старшина Владимир Петров!

Обход потенциальных позиций для обороны оврага мы с Максимом проделываем за десять минут. Парнишка молодец – места выбраны с толком, из четырех я забраковал только одно – там оказались очень большие мертвые зоны. А од-

на из предложенных позиций так и вообще оказалась конфеткой – прекрасно укрытая кустами неглубокая промоина, примерно как окопчик для стрельбы лежа, из которой можно вести огонь в очень широком, почти двести семьдесят градусов, секторе. Вот здесь мы старшину и пристроим!

– Слушай, Петров, а ты патронами богат? – спрашиваю старшину после перетаскивания.

– Ну, как тебе сказать... – задумчиво протянул Петров, дотошно проверяя директрису стрельбы. Позиция ему явно понравилась, и он, достав из-за голенища сапога устрашающего вида ножик, начал аккуратно срезать нижние ветки кустов. – Тебе для чего? У тебя же немецкий винтарь.

– Есть у меня одна штука... Автоматическая винтовка...

– Светка, что ли? – заинтересованно повернулся ко мне Петров.

– Что? – не сразу понял я вопрос. – А... нет! Не «СВТ». «АВС-36», слышал про такую?

– Слышать слышал, а видеть не видел... Но говорили, что хлопот от нее...

– Могу дать во временное пользование! – делаю предложение, от которого невозможно отказаться. – Винтовка новенькая, на ней мухи не еблись, к ней четыре магазина. Отдашь, когда мы отсюда тебя вынесем. Я потому про патроны и спросил – все-таки автоматическая, боеприпасы жрет, как голодный бегемот. Если у тебя меньше сотни...

– У меня триста штук! – спокойно говорит Петров, акку-

ратно укладывая раненую ногу.

Вот хомячина, а ведь молчал! То-то у него вещмешок словно кирпичами набит... Старшина – предок прапорщика!

– Ты, случайно, с финнами не воевал? – спрашиваю наугад.

– Да, а как ты догадался? – удивленно интересуется Петров.

– Отец рассказывал, что все, кто Зимнюю войну в боевых частях прошел, штатным боекомплектом не ограничиваются.

– Есть такое дело... – усмехается Петров. – Помыкались спервоначалу... Когда имеющиеся четыре десятка за полчаса боя вылетают, а потом хоть зубами грызи, хоть матом крой... Вот и начали на себе по полпуда патронов таскать. Ладно, давай тащи свой агрегат!

Спускаюсь в овраг. Он уже опустел, остались только раненые, которых планировали отнести второй ходкой. Дай бог, чтобы она состоялась, эта ходка... Так, мой сверток никто не трогал. Что тут у меня? Немецкая ременная разгрузка, подсумки к ней со всякой мелочовкой, малая пехотная лопатка в чехле, большая брезентовая сумка с патронами, две гранаты, фляга с водой... все. Ага, а вот и автомат – к нему тоже не прикасались. Эх... надеюсь, что он Петрову не понадобится – никто нас не найдет. А мне-то что в поиске понадобится? Как раз патроны и фляга. Сумка хоть и тяжелая, но с удоб-

ным плечевым ремнем. Интересно, а для чего она фрицам? Ведь явно не для переноски боеприпасов!³⁹

Надеваю на себя портупею, гранаты сую за ремень, сумку через плечо, карабин в руки... Готов? Пожалуй... Оставленные ребяташки с тоской смотрят вслед, когда я ухожу. Так и хочется обернуться и успокоить. Сказать какую-нибудь глупость вроде «я вернусь». Плохая примета! Но я все равно вернусь...

---

³⁹ Продолговатая брезентовая сумка с плечевым ремнем предназначалась для переноски гранат. Но по необходимости солдаты использовали ее для переноски патронов. (*Прим. авт.*)

Глава 9

Рощица, разделявшая овраг и поле, где накануне погибли наши товарищи, крохотная – сто метров в ширину, двести в длину. К тому же вчера в ней прятались от бомбежки несколько десятков человек. Потом здесь же резали жерди и ветки для носилок, брали хворост для костров. В общем, натоптали изрядно. Я хоть и охотник, умею читать звериные следы, но обычно это делается на фоне нетронутой природы, а не посреди городского парка после шумного праздника. Поэтому следы Гончарука отыскивались с большим трудом. Помогли его ботинки – они оставляли оригинальный отпечаток, непохожий на отпечатки гражданской обуви. Да и размер...

Цепочка следов вела на запад. Впрочем, дальше шло открытое пространство, то самое, где вчера резвились фашистские летчики и танкисты. И Гончарук двинулся именно к разгромленному поезду и трупам. Что ему там могло понадобиться?

Потратив пять минут на внимательнейший осмотр местности и не заметив никакого движения, я крадучись вышел из-за прикрытия деревьев. Здесь след терялся, но буквально через пару сотен метров я наткнулся на четкий отпечаток армейского ботинка в подсохшей луже крови. И какое-то время отслеживал перемещения беглеца по кровавой цепочке.

Но ближе к месту жестокой расправы земля оказалась утоптана и изрыта гусеницами, да и кровь с подошвы Гончарука стерлась – след опять пропал. Однако бегло осмотрев раздавленные гусеницами тела, я заметил, что их трогали – многие оказались перевернуты. Зачем сержант это сделал? Да, блин горелый! Он же, сволочь, карманы выворачивал! Старательно так...

Я ускорил шаг и пошел по дуге, обходя трупы и внимательно глядя под ноги. Ведь Гончарук уже ушел, надо только поймать дорожку его отхода. Вскоре мне «повезло» – наткнулся на очередное свидетельство мерзости беглеца. Немного на отшибе лежало тело молодой девушки, погибшей, должно быть, еще при бомбежке. И сержант, проходя мимо, задрал на ней подол платяца и стянул трусы. А потом какое-то время топтался рядом – количество отпечатков ботинок превышало два десятка. С этого места след уже не терялся.

Дальше Гончарук шел ровно, никуда не сворачивая. И я, следом за ним, вскоре вышел на дорогу, по которой сегодня утром нас вез дед Пасько. Отпечатков в дорожной пыли явно прибавилось – кроме сержанта отметились два или три мотоцикла. Судя по рисунку протектора, они проехали на восток. Ну а чертов Гончарук снова потянул меня на запад. Пару километров я протопал, не встретив ни одной живой души. А затем мне послышался топот ног. Бежали несколько человек.

Я мгновенно нырнул в ближайшие кусты и принял стойку для стрельбы с колена. Из-за поворота выскочили знакомые личности – братья-разведчики. А вот преследующие их парни оказались незнакомыми. Судя по одежде – местные жители, молодые, лет по шестнадцать. Двое из них держали в руках дубинки, третий – охотничье ружье. Причем выражение их лиц говорило о крайней степени ярости – с такими рожами спортивным бегом не занимаются. Братья явно чем-то насолили крестьянам – и те страстно желали их побить. Как минимум, а скорее всего – прибить насмерть.

Дождавшись, когда погоня проскочит мимо моего укрытия, я, не особо задумываясь, выстрелил по замыкающему. Целился по ногам – я ведь не зверь какой, крестьян без разбора убивать. Владелец ружья кубарем покатился на обочину, а его дружки по инерции пробежали еще два десятка метров, прежде чем развернулись на звук выстрела. За это время успеваю передернуть затвор, вылезти из кустов, подойти к раненому и подобрать оружие.

– Раритет! Фирмы «Манлихер», – после беглого осмотра я вслух поделился наблюдением с корчащимся на траве парнем. – И откуда у тебя такой ствол? Впрочем, чего спрашивать – вы ведь до революции под австрийцами были? Только почему он у тебя не заряжен? Эй, козлы! Палки на землю, руки в гору! Живо!

Последнее адресовалось подельникам поверженного хозяина редкой модели одностволки и сопровождалось недву-

смысленным невербальным воздействием – отбросив бесполезный трофей, вскидываю к плечу свой «маузер» и целюсь. Пареньки, вознамерившиеся атаковать меня со своими дубинами, правильно поняли посыл – уронили импровизированные «демократизаторы» и подняли руки.

– Вот и молодцы! – похвалил я деревенских. – Пуля, она, как известно, дура! Кто такие? Что здесь делаете?

Парни не ответили, злобно зыряка из-под нахмуренных бровей.

– В молчанку, значит, поиграть решили? Ничего... У меня и не такие герои до самой жопы кололись! Ну-ка, быстро взяли своего товарища, и в кусты!

Пнув их пару раз для ускорения, махнул рукой стоявшим в пятидесяти метрах братьям Караваевым, приглашая их подойти. Узнав меня, мальчишки рванули ко мне как на сто-метровке.

– Игорь, Игорь! – не добежав, закричал Антон. – Мы нашли того деда!

– Спокойно, ребята, спокойно! Отойдем от дороги, и вы мне все расскажете. И начнете с того, как вы умудрились себе на хвост погоню посадить!

– А... мы не виноваты... – хлопнул носом Антон. – Они... это... того...

– Ладно, ладно. Успокойтесь! Ружье подберите – и за мной!

Найдя укромное место недалеко от дороги, приказал де-

ревенским положить раненого, а самим встать на колени, скрестив лодыжки, и сложить руки на затылке.

– Пикнете – убую! – грозным голосом предупреждаю пленных.

Караваевы стояли рядом, размазывая по потным лицам дорожную пыль.

– Чего они за вами гнались?

– Побить хотели, – пожал плечами Володя. – В деревне меня засекли и погнались.

– А деревня-то далеко? – не дай бог, там выстрел услышали.

– Нет, мы долго бежали! – горделиво сказал Антон.

– Значит, говорите, побить... – Я задумчиво посмотрел на раненого, который от тряски при переноске потерял сознание. И, судя по разливающейся по его лицу бледности, его накрывал болевой шок. Да и крови много потерял – вон какой след остался. Похоже, бедренная артерия задета. – Следовательно, оказывать ему медицинскую помощь не нужно?

– Э... я не знаю! – растерянно развел руками Володя. – Он нам такие страшные слова кричал на бегу... Я даже повторить не могу.

– На кол посадить обещал! Уши отрезать и свиньям скормить, – пояснил Антон. – Кацапами обзывал... И еще много всего...

– Ага... Тогда пускай пока так полежит, – кивнул я. Судя по характеру ранения, этот любитель экзотических нака-

заний – не жилец. Ну и поделом! – Отдышались? Рассказывайте по порядку!

– Игнат Пасько сидит в сарае на заднем дворе старосты! – выпалил Антон.

– Так-так... А откуда в советской деревне взялся староста?

– Так он вчера вместе с немцами приехал! – «объяснил» Антон.

Поняв, что от младшего толку не дождусь, я посмотрел на Володю.

– Немцы приехали в Татариновку вчера. Несколько танков и бронемашин. Сколько точно – мы не выяснили, – начал рассказывать Володя. – С ними приехал бывший староста. Он два года назад сбежал, а сейчас вернулся. Он и еще несколько деревенских избили председателя колхоза, а его сына-комсомольца повесили на дереве в центре села. Потом немцы уехали, а староста объявил, что никакого колхоза больше не будет.

– А что с Пасько?

– Ну, его вчера не было. А сегодня он приехал и стал звать мужиков на подмогу... москалям. Ну то есть нам помогать... Староста приказал его схватить и начал выпытывать, где они, то есть мы, прячемся. Но Игнат ничего им не сказал. Тогда они его избили и посадили в сарай на подворье старосты. Там он до сих пор и сидит.

– И как вы все это умудрились выяснить? – удивленно

спросил я. – Особенно про вчерашние события...

– Так мы это... местных мальчишек пойма... познакомились! – отводя глаза, сказал Антон. – Ну, они нам все и рассказали.

– Били? – хмыкаю понимающе.

– Конечно, нет! Мы ведь пионеры! – «честно» соврал старший брат.

– А то я твои разбитые кулачки не вижу! – усмехаюсь, а сам одобрительно хлопаю Володю по плечу. – Сведения проверили?

– Да! Мы их... ну, этих... с кем... познакомились... по-одиночке расспрашивали! Ну, чтобы не сговорились! – Антон огорошил меня познаниями в искусстве ведения допросов. – А потом Володька по селу пробежался и посмотрел.

– Действительно, в самом центре деревни растет большой старый дуб. И на нем висит человек. Повешенный за шею! – продолжил рассказ Володя. – Прямо напротив большой дом – бывший сельсовет, а теперь на нем фашистский флаг развевается. Возле крыльца часовой с винтовкой. Больше никого с оружием я в селе не видел. Немцев тоже нет. А на обратном пути эти... трое выскочили откуда-то и за мной побежали.

– С вами все ясно... Благодарю за службу, товарищи!

– Служу трудовому народу! – проорали довольные похвалой мальчишки.

– Следуйте к месту дислокации! Только... я вас прошу...

осторожнее! Еще кого-нибудь не приманите.

– Да мы... да мы бы от них оторвались! – обиженно крикнул Антон.

– Игорь, мы бы ни за что их к своим не привели! – кивнул Володя.

– Верю, ребята, верю! Но все равно – будьте предельно бдительны! Там сейчас за старшего старшина Петров остался. Скажите ему, что я пошел в Татариновку, и поступите в его распоряжение! Все понятно? Выполняйте!

– Есть! – синхронно рявкнули юные разведчики и со всех ног рванули к убежищу.

Проводив их взглядом (и мысленно перекрестив), поворачиваюсь к пленным.

– Ну, а теперь, шановни панове, поговорим с вами... Надеюсь, вы не будете притворяться не знающими русский язык?

Парни не подняли головы.

– Не слышу, блядь! – внезапно заорал я, сопроводив крик легким ударом приклада в бочину одному и тут же зарядив ногой в живот другому. Оба завалились на спину, вопя от боли. Вопя, на мой взгляд, совершенно непропорционально силе ударов. Поэтому я добавил им с ноги еще по паре раз, чтобы издаваемые звуки соответствовали примененному воздействию. – Ну что, суки, будете говорить?

– Що тобі треба-то? – простонал один.

– Для начала – встать!!! На колени, блядь, ноги скрестить,

руки на затылок! – проревел я. И когда парни, охая от боли, приняли предписанную позу, сказал спокойным голосом: – Расскажите-ка мне, что происходило в Татариновке вчера и сегодня!

И они начали наперебой, сбиваясь и поправляя друг друга, рассказывать всю историю перехода своей деревни на сторону противника. Принципиально их версия событий не отличалась от уже слышанной от Караваевых. Однако в их рассказе присутствовали некоторые подробности. Оказалось, что староста числился членом какой-то организации, названия которой парни не знали. И в той же организации состояли еще несколько мужиков из их деревни. В основном – зажиточных. Правда, в прошлом году «гепеу» (так они выразились) арестовало двух главных заводил «народного сопротивления» – бывшего полицейского и бывшего хозяина лавки. Но, видимо, своих поделщиков они не сдали – больше арестов в Татариновке не было. Вскрылась и еще одна интересная деталь – приезда бывшего старосты в деревне ждали. Не конкретно вчера, а вообще... Готовились, собирали оружие, составляли списки неблагонадежных. Ядро боевого отряда (именно так парни и сказали!) состояло из восьми мужчин, вооруженных охотничьими ружьями. На ночь возле сарая, где держали председателя колхоза, а теперь и деда Игната, выставлялся пост. При этом караульный одновременно должен приглядывать и за входом в дом старосты.

– Да тут у вас целый контрреволюционный заговор! – рас-

смеялся я. – И куда только «кровавая гэбня» смотрела? Не деревня, а рассадник врагов советской власти! Ладно, хлопчики... Вам сколько лет?

– Пятнадцать рокив, – переглянувшись, ответил один из парней.

– Жить хотите?

Жить они, естественно, хотели. Поэтому, по-прежнему наперебой, споря и переругиваясь друг с другом, они нарисовали прутиком на земле план деревни и объяснили, где находятся дома активистов тайного общества. Как я и предполагал, дом старосты (бывший сельсовет) находился в самом центре, на небольшой площади, главной достопримечательностью которой являлся старый дуб, на котором, по легенде, когда-то повесили татар, от чего и пошло название деревни. Самим обстоятельством казни местные жители очень гордились, считая его проявлением самостоятельности и независимости.

– Значит, так, шановни панове... Сейчас я отправлюсь в вашу независимую деревню, а вас оставлю здесь. Не радуйтесь – я вас к дереву привяжу и кляп в рот засуну. Сами не развяжетесь, да и не найдет вас тут никто – если я вас не освобожу, то сдохнете гарантированно. Поэтому последний вопрос: что вы забыли упомянуть, из-за чего я не вернусь?

Парни переглянулись и опустили головы. Ага, я, кажется, прав – что-то они мне не сказали.

– На обоих въездах у село мужики сидять. И так сидять,

що их и не бачити – один в сараи ховається, інший в лазни. И в будь-який час можуть тривогу пидняти, якщо хто чужий у Татаринівку увийти захоче⁴⁰.

– Ну, чого-то подобного я ожидав – странно бы было, если бы посты не выставили... А вот скажите мне еще, шановни панове: собаки в деревне есть?

– Е, як не бути? – удивленно глянули на меня «панове».

– И на чужих они лают?

– Брешают, звичайно, як не брехати?

– И если я с огородов полезу, то лай поднимется такой, что глухие проснутся?

– Да, може бути... – парни переглянулись. Видать, никогда не думали об эффективности подобной «сигнализации», воспринимали как само собой разумеющееся.

А я подумал о наличии четвероногих охранников в самый последний момент. Житель-то я городской, а если и выезжаю за пределы кольцевой дороги, то исключительно на дачу, где больших собак никто не держит. А сейчас я просто вспомнил, как в соседнем с моим домом гаражном кооперативе по ночам гавкали прикормленные сторожами дворняги. На каждую проезжающую мимо машину, на каждого проходящего мимо ворот человека. А в деревне таких «брехунов» наверняка не меньше чем по одной на каждое подворье. По-

---

⁴⁰ На обоих въездах в деревню мужики сидят. И так сидят, что их и не видно, – один в сарае прячется, другой в бане. И в любое время могут тревогу поднять, если кто чужой в Татаринівку войти захочет (укр.).

лезу через огороды, путаясь в сараях, курятниках и заборчиках, – гвалт поднимется до небес. Значит, надо найти другой способ проникновения...

Тут мой взгляд упал на раненого. Он, похоже, уже откинулся – побелел, как простыня, и черты лица заострились. Пульс уже можно не щупать – и так все понятно, вон какая лужа крови натекла. Сразу наложить жгут своему человеку я бы не забыл, а вот чужому – как-то не сообразил. Но меня больше заинтересовал не сам покойник, а его рубашка – она так и осталась чистенькой, если не считать небольших пятен от пыли, заработанных в момент падения. Рубашка броская – косоворотка белого цвета в национальном стиле, с вышитым воротником и этим... как его? – не помню, вокруг застежек, короче.

А если... Парень был крупнее меня, но в темноте, которая наступит через час-полтора, небольшая разница в комплекции не будет так уж сильно бросаться в глаза. И то, что рубашка больше на пару размеров, – так оно, может, и к лучшему – надену поверх своей, чтобы скрыть португею и подсумки. Так... а что еще может помочь мне «издалека и со спины» походить на деревенского? Сапоги? Хм... а это мысль! В моих летних туфлях с веревочной подошвой долго по пересеченной местности не походишь – они и так уже на ладан дышат после вчерашней прогулки. Я сравнил ноги – сапоги на размер больше, что некритично, если носить на портянки, а не на носки. Ну и, конечно, головной убор! На покойни-

ке его нет, наверняка потерял при падении, так на пленных надеты какие-то картузы, с них и сниму. Кстати, и рубашки тоже можно с них снять, не обязательно раздевать труп. Впрочем... А не взять ли мне одного из этих парней с собой проводником? Если войти в деревню с ним, то и собаки, возможно, лаять не будут? Лучше взять обоих – типа: ушли трое и вернулись трое. Но двоих мне будет гораздо сложнее контролировать – я ведь не Рэмбо какой.

План постепенно определился – как стемнеет окончательно, возьму одного из пленников, привяжу на него гранату, веревочку от запала в руку. Приходилось слышать, что у немецких гранат время срабатывания чуть ли не десять секунд, вполне можно убежать, но деревенский-то об этом не знает. И поведу парня на поводке – он у меня вместо пропуска будет. Если на кого из местных наткнемся – отболтается, пока я рядом тихонько постою. Авось меня сразу не расколуют. Планчик, понятное дело, насквозь авантюрный, но ведь по ночам у них народных гуляний по улицам не бывает. Проскочим!

Глава 10

В путь двинулись в сумерках. На мне красовались косо-воротка-вышиванка, сапоги и картуз. Их прежний владелец остывал рядом со своим незадачливым товарищем, надежно привязанным к дереву обрывками собственной рубашки. Про кляп я тоже не забыл.

– На святое дело идем! Товарища из беды выручать! – скрывая легкий мандраж, с улыбкой сказал я Петру – своему вынужденному напарнику.

Но тот в ответ угрюмо промолчал – понятно, что культовый сериал не смотрел. Все его внимание занимала веревочка, тянущаяся из-под полы к моей руке. Гранату я привязал сзади к его брючному ремню. Вторая осталась у меня, прикрытая трофейной рубахой. Одежка вообще оказалась практичной – надежно скрыла весь мой арсенал, ну, кроме вищащей на плече винтовки. Очень хотелось верить, что сразу меня не вычислят, позволят подойти на дистанцию удара ножом.

До деревни дошли минут за двадцать – тут и двух километров не было.

– Ну и где дозорный скрывается?

– Ось в тому сарае! – Петр носом показал на стоящее за околицей покосившееся строение (руки я ему за спиной связал). – Пидглядаэ через щили.

– Как подойдем, позовешь его! Только тихо, шепотом! Спросит зачем – скажешь, что нужна помощь, твой друг ногу подвернул, недалеко отсюда лежит. Как его зовут, кстати?

– Тот, що помер – Федор, а якого ти привязав – Мыкола.

– А кто на посту дежурит, ты знаешь?

– Дядьку Матвей повинен бути. Його тильки опивночи зминять.

– Это хорошо, до полуночи у нас еще пара часов есть. Ну, двинулись, что стоишь? – Я легонько натянул веревку, выбирая слабинку. – Идем быстро, но спокойно.

Мы подошли к околице быстрым шагом, но без суеты. Особой опасности ведь нет – друг всего лишь поскользнулся и упал... неудачно. Ну да, больно ему, но так ведь сам виноват – растяпа. Я настолько вошел в образ, что сам почти поверил в страдающего неподалеку от собственного головетяпства парня. В указанном Петром сарае явно кто-то сидел – из широких щелей между досками валили густые клубы махорочного дыма. Двойка с занесением в грудную клетку такому часовому!

– Дядьку! Дядьку! – позвал курильщика Петр.

Скрипнула дверь, в открывшемся проеме показалось усатое лицо.

– Це ти, Петро? Що тобі треба?

– Та Мыкола ногу пидвернув, вправити не допоможеш?

– Та де він? – Матвей вышел из сарая. – Чого ви его сюда не притягли?

– Так вин не захотив, казав, що дуже нога болить!

Шаг, еще шаг... Видать, часовому скучно на посту – и он обрадовался возможности поболтать. Я, пользуясь его дурустью, подошел вплотную. В последний момент он догадался, что перед ним чужак, – выражение лица изменилось, но хорошо заточенный немецкий штык-нож уже вошел под ребра. Глухо хекнув, Матвей начал заваливаться на спину, и мне осталось только слегка подкорректировать траекторию его падения, чтобы тело не наделало шума. Затем я сделал контроль – резанул глотку, сгоряча не рассчитав остроты лезвия и практически отхватив мужику голову.

Петр дернулся было бежать, но натянутая веревка остановила его порыв. Дрожа, как в лихорадке, парень выпучил глаза и судорожно блевнул себе под ноги. Ничего, перетопчется, сучонок... Небось как комсомольца вешали, так гоголем ходил.

– Чего встал столбом? Дальше веди! – я пнул Петра под задницу, посылая его вверх по улочке. Трофеями, оставшимися на уничтоженном караульном посту, займусь потом. Если жив останусь...

Проход через деревню прошел, как я и предположил, – незаметно. Никто нам по пути не встретился, а собачки только лениво-дежурно побрехивали, да и то не все, а, видимо, страдающие бессонницей. Не прошло и пяти минут – на фоне чуть более светлой западной стороны неба показалось дерево. Да, дуб, но не гигантский, а просто большой. Был

бы огромным – я бы его еще с околицы увидел. На толстой нижней ветке действительно висел человек. Напротив стояла классическая изба-пятистенок, отличающаяся от своих соседок только наличием нестандартного высокого крыльца. Козырек крыши украшал флаг, разглядеть символику да и цвет которого в темноте представлялось затруднительным.

Возле крылечка пульсировал красный светлячок – еще один любитель покурить на посту. Мы неторопливо подошли к калитке. Особого беспокойства часовой не проявил – чего бояться? Он в самом центре родного села, кругом тихо, собаки не лаяли, караульщики на околицах тревоги не поднимали.

– Эй, хто там? – расслабленно окликнул нас часовой.

– Це я, Петро! – ответил мой «пропуск». – А це ти, дядьку Андрий?

– Я! – часовой кивнул, не вынимая папиросу изо рта, от чего красный светлячок описал в темноте фигуру, похожую на китайский иероглиф «Дза-тунь», любимый фанатами фэньшуя. – И чога вам не спицца? Чога бродите?

– Так тут людина до пана старости прийшов, поговорите хоте! – как и договаривались, сказал Петр, между делом открывая калитку и делая шаг к крыльцу. Я, естественно, последовал за ним, стараясь, чтобы меня скрывала от Андрея фигура «напарника».

– Поговорити хоче? А хто вин такий? – безмятежно спросил часовой, даже не вставая со скамейки.

– Эх, как были вы крестьянами, так ими и остались! – сказал я, сделав шаг из-за спины Петра и коротко пробивая прикладом чуть выше огонька папиросы. – Вам хоть копые дай, хоть ракетную установку! Проебете и то и другое!

После звука удара послышался приглушенный треск. То ли переносица, то ли шея. Часовой сполз со скамейки, глухо брякнула стоящая рядом двустволка. Для контроля я еще раз ударил Андрея прикладом в голову, на этот раз со всей дури. Мерзко чавкнуло. Ну, теперь он точно покойник... Душегубствовал я отнюдь не из мелочной кровожадности, а исходя из простого армейского принципа не оставлять за спиной живых врагов.

А теперь нанесем визит старосте! Можно, конечно, втихую освободить деда Игната и свалить подальше, но почему не совместить два богоугодных дела? Под вторым я имел в виду очистку Земли от всякой мрази.

На случай присутствия в доме гостей я достал из-под рубашки гранату. Даже если там никого, то увесистая колотушка на длинной ручке – само по себе оружие. Да и пугануть можно.

– Пошли, помощничек! – тяну за веревочку Петра. – Иди вперед, дверь открывай!

Пройдя длинными темными сенями, Петр толкнул тяжелую дверь и тут же полетел вперед от могучего удара в спину. Веревочку от запала гранаты я выпустил из рук заранее. За стоящим под окнами длинным столом сидели два чело-

века. Дородный лысый мужчина в полувоенном френче, с залегшими возле рта брюзгливыми складками, и мой недавний знакомый, мародер-любитель Гончарук. Причем бывший сержант уже успел переодеться в гражданку и щеголял красивой синей рубашкой.

Оба вытаращились, словно к ним на огонек забрел невиданный зверь. Схватить стоящее рядом оружие – две винтовки – они даже не попытались. Гончарук первым получил по башке гранатой и рухнул с лавки, а вторым ударом я сломал старосте ключицу.

– Хорошая вещь – граната! – доверительно сообщил я мужчине, смотревшему на меня расширенными от боли и страха глазами. – Правда, саперная лопатка лучше, даже если не точить. Однако рубани я тебя лопаткой, ты бы уже кони двинул. А мне с тобой поговорить нужно... Что тебе этот гад сказал?

Похоже, еще один герой решил в молчанку поиграть. Хрясь! Лежавшая на краю столешницы ладонь старосты расплющена молодецким ударом. Аж миски подпрыгнули! А в мисках деревенские разносолы – сало, соленые огурцы, квашеная капуста, свежий хлеб. Венчала композицию полуведерная бутылка с самогоном. У меня даже слюнки потекли, и в пустом брюхе громко заурчало. Но жрать некогда – надо сначала дело сделать, за которым пришел.

Спихнув с табурета тихонько скулящего пана, я обошел стол и осмотрел прислоненные к стене винтовки. Одна ока-

залась трехлинейкой, видимо той самой, что я вручил Пасько, а вот вторая... Надо же – опять раритет! Винтовка Бердана! Ну, она мне без надобности – хрясь! – ложе разлетается в щепки от контакта с головой начавшего подавать признаки жизни Гончарука. Дезертир затихает, и, похоже, уже навсегда.

– Так, а что это пан староста пытается левой рукой на правом боку достать? – обратил я внимание на странные телодвижения мужчины. – Ах, так у тебя там кобура висит! Недоработка с моей стороны! Сразу не проверил. А ну как ты все-таки пальнул бы? Ну, ничего, сейчас исправлюсь!

Сдергиваю с мужика ремень вместе с кобурой.

– Что у нас там? Гм, неплохо! «Люггер»! Он же «парабеллум». Интересная машинка, хотя и на любителя! – вешаю ремень через плечо. – Хорошо снабжают своих холопов арийцы.

– Сам ты холоп, кацапский выблядок! – пробурчал пан староста, баюкая разбитую руку. – Эх, попадись ты мне...

– О, голос прорезался! – восхитился я. – А то мне показалось, что ты язык откусил! Насчет «попадись»... А разве я сейчас не здесь? Или ты можешь только вдесятером на одного?

Черт! Не удержаться – беру со стола соленый огурец и принимаюсь с аппетитом им хрустеть. А хлебушек-то как пахнет! Ох, ты! Тут и колбаска домашняя имеется! Блин, заканчивать надо этот балаган, собирать жратву в мешок – и к

своим, к своим! Меня там, раскрыв клювики, пять десятков голодных щеглов ждут.

– Итак, повторю вопрос, пан староста: что успел тебе рассказать этот человек, ныне покойный? Будешь молчать – вторую руку разобью. А потом коленками займусь, ступнями, локтями... Или сразу с яиц начну!

– Вин казав, що недалеко звидси в лису ховаються дити червоних командирив. И що треба их зловити и здати ним-цям.

– Ты кому-нибудь еще об этом сказал? Немцам сообщил?

– Не успел... – с ненавистью прошипел староста. – А то бы вас, выблядков, немчура бы уже танками давила. Как вчера бошки под гусеницами хрустели... любо-дорого было слышать!

– Ах ты, гнида... – я замахнулся на старосту гранатой, но в последний момент остановил удар. – Если ты там был, то наверняка знаешь номер подразделения! Кто это сделал?

– Поквитаться хочешь, щенок? – усмехнулся староста. – Да тебе жить осталось пара дней. Долго в здешних местах прятаться не выйдет! А дружков твоих вонючих, как червей, давили доблестные панцерманы пятнадцатого танкового полка одиннадцатой танковой дивизии под командованием обер-лейтенанта Хельмута Робски!

– Рота? Батальон? Впрочем... на хер такие подробности! Номера дивизии вполне достаточно... Наверняка такие твари у них не одни... Бошки, говоришь, хрустели?.. Ты не на-

дейся – быстрой смертью не умрешь... Я тебя, суку, теперь долго убивать буду!

– Да кто ты такой? – поразился староста.

– Ты все равно не поверишь... – улыбнулся я. – Петя, а ты куда собрался? Ну-ка, возьми веревочку да свяжи пана старосту! Где взять? Так вон она, под лавкой лежит! Небось для нас приготовили, козлы... У самого руки связаны? Так давай я тебе обрезание сделаю! Испугался? – Я перерезал путы на дрожащем от страха парне. – Крепче вяжи, крепче! Кляп не забудь! Да-да, можно из полотенца. А теперь веди во двор!

После тусклого света керосиновой лампы мне показалось – на улице абсолютная чернота. Поэтому я несколько секунд постоял на крыльце, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте. Петр неуверенно топтался рядом. Наконец я начал различать контуры домов, дуб с висящим на нем покойником.

– Пошли, родной! – я легонько ткнул парня в плечо. – Где тут у вас зиндан?

– Что? – не понял Петр.

– Тюрьма, говорю, где? Сарай, в котором дед Игнат заперт!

– А, это... Это там! – Парень обогнул угол дома и прошел на задний двор. Здесь стояло еще несколько построек. Дверь одной из них оказалась приперта колом, и Петр указал именно на нее. – Тут они!

– Кто... они? – растерялся я.

– Дык... дед Гнат и Пал Палыч, председатель... наш, – с запинкой ответил Петр.

– Ты, давай, колышек отвали и дверь открой! А теперь в сторонку отойди, и не дай бог дернешься – прирежу на хер! Вот к стеночке встань и ноги пошире расставь! Еще шире, твою мать!

Поставив парня в позу «землемера», я осторожно заглянул в открытую дверь сарая и... еле успел отдернуть голову, когда в нее из чернильной тьмы прилетел какой-то предмет.

– Пасько, мать твою за ногу! Ты совсем охренел, старый пень! А вот я сейчас тебе туда гранату кину!

– Игорь, ты? – донесся изнутри сарая недоверчивый голос.

– Нет, блин, ангел в тубетейке! Выходи давай! И председателя выводите!

– Отошел уже Пал Палыч, царство ему небесное, – дед Игнат, крестясь, вышел из «узилища». – Жаль, хороший был человек, справедливый, хоть и недалекого ума. Так ты за мной пришел, Игорь?

– За тобой, дед, за тобой! Давай, собирай манатки, если они есть, и валим отсюда!

– А... староста? Еще и караульщик у крыльца должен... быть! О, Петро, и ты здесь? Игорь, да ты, я посмотрю, уже компанию себе нашел! Только они втроем всегда ходят, Петр, Федор да Николай.

– Знаю, дед, знаю, – усмехнулся я. – Те двое сейчас в лесу... А вот Петя решил мне помочь, после недолгих угово-

ров. Староста в доме, а караульщик так у крыльца и... лежит.

– Неужели всех насмерть положил? – поразился моим словам Игнат.

– Нет, что ты... Только половину! – рассмеялся я. – Пошли уже! Не дай бог какие-нибудь гости нагрянут. И, кстати, на вот – винтарь свой держи!

– Так ты, Игорь, специально за мной пришел? – еще раз спросил Пасько, машинально проверив винтовку и повесив ее на плечо.

– Да, блин, сказал ведь уже – за тобой! Русские своих не бросают!

– Ну, тогда... Пойдем! – решил старик. – Со старостой я бы поговорил... по душам, но, видно, не судьба...

– Да жив он... пока. Только давай так сделаем – разговор со старостой на потом оставим! Возьмем его с собой в лес, а уж там, на природе...

– Хорошо, Игорь, хорошо! У нас время есть или погоня на хвосте?

– Есть... немного!

– Тогда я пойду, лошадей запрягу, а ты пока из этого сарая зерно вынеси. Будет чем твоих ребятишек накормить. И я чего-нибудь прихвачу...

– Хорошо, только быстро! К крыльцу подъезжай! Да не шуми, а то разбудим полдеревни...

– Не маленький, понимаю... – Пасько ушел быстрым шагом. А я повернулся к Петру.

– Ну, чего стоим? Кого ждем? Вперед, родной, на погрузку!

К моменту, когда Пасько подогнал к крыльцу большую телегу, запряженную двумя здоровыми лошадьми, мы успели вытащить к калитке шесть мешков с зерном. Рядом с этой кучей примостился узелок с разносолами со стола пана старосты и сам староста.

– Откель такой экипаж? – спросил я деда. – Махнул на кобылу?

– Реквизировал! – не стал вдаваться в подробности Пасько. – Давай грузиться! О! Пан староста, какая встреча! Ладно, потом покалякаем... Сажай его сверху, Игорь! Эх, пустить бы сюда красного петуха, да баб с детишками жаль... Столько лет рядом жили, я их друзьями считал... Сволочь эту, старосту, писать и читать по-русски учил... А они вот как со мной... Ладно, поехали!

– Погоди, старик! Надо комсомольца с дуба снять. Нехорошо так оставлять. За Петром присмотри, чтобы ноги не сделал, а я быстренько...

Срезаю веревку и пристраиваю тело между могучих корней. Молодой совсем парень... был. Жаль, что похоронить по-человечески некогда. Что уж о нем говорить, если в паре километров отсюда несколько сотен погибших лежит?

Возвращаюсь к телеге и пристраиваюсь бочком, чтобы одновременно видеть старосту и Петра. Впрочем, староста надежно связан, а парня я нейтрализую, снова взяв в руку лен-

точку от запала гранаты.

– А он не выглядит очень старым... Неужели этому дубу больше пятисот лет? – мимоходом спрашиваю Игната.

– Почему ты так подумал? – удивленно оборачивается ко мне Пасько.

– Так на нем вроде татар повесили, нет? А когда у нас татары на Русь приходили?

– Ах, ты об этом... – рассмеялся старик. – Да, повесили... Татар... скупщиков шерсти и мяса, двух купцов из Казани. В конце прошлого века повесили – что-то они с местными торгашами не поделили, вот те их и подкараулили.

И опять, как прошлой ночью, трясусь на телеге в полной темноте. Как дед умудряется что-то видеть – загадка. Даже приметный ориентир – гнутую березу, я пропустил. Увидел Петр.

– Кхм... – робко кашлянул он. – Уважаемый, там в лесу...

– Ах да! – спохватываюсь я. – Дед, тормози!

Аккуратно освобождаю Петра от привязанной гранаты. Отпущу дурака, я ведь не фашист, чтобы пятнадцатилетних пацанов убивать. Погибший Федор – несчастный случай, стрелял-то я по ногам.

– Значит, так: ты мне помог и теперь свободен! Только мне больше не попадайся! И язык за зубами держи! В твоих же интересах молчать, а то ведь свои тебя не простят за то, что помог Матвея и Андрея убить и старосту похитить. И не дай бог, ты на нас погоню наведешь! Никакие немцы тебя

не защитят – вернусь и всех поголовно вырежу, а деревню спалю к ебням! Понял?

– Да! – грустно ответил парень. – Можно идти?

– Ступай, хлопчик, ступай!

Петр скрылся в темном лесу. Пасько тронул лошадей и удивленно покрутил головой:

– Не ожидал от тебя...

– Надо было зарезать?

– Ты странный парень, Игорьь... Говоришь и ведешь себя, как взрослый, – старик замолчал, не став развивать мысль. Зато лежавший рядом пан староста начал ворочаться и мычать. Пришлось легонько ткнуть его в раздробленную ключицу. Взвыв, на этот раз от боли, мужик правильно понял мой добрососедский жест и больше не пытался разговаривать через кляп.

Через пару минут Игнат спросил:

– Куда ехать-то?

– Пока на старое место, а там посмотрим. Наши должны были другое укрытие найти. Только ты так езжай, чтобы следы...

– Не бойся, проеду так, что никто на вас не выйдет!

– Вот и хорошо! – немного успокоился я. – Ты пожрать не хочешь? Староста угощает!

– Нет, Игорьь, как-то не до этого... – снова впал в задумчивость старик.

– Ну, как скажешь, а я, пожалуй, перекушу. Уж больно

завлекательно колбаска пахнет, а у меня с полудня, кроме крохотного бутербродика, ничего во рту не было.

Запустив руку в узелок, нащупываю круг колбасы, вытаскиваю и уже примериваюсь отрезать, но вовремя вспоминаю, что я сегодня делал этим ножом... Ладно, тогда оторву... Не рвется, зараза!.. Пришлось кусать от целого круга, заедая отломанной от каравая горбушкой. На гарнир достал соленый огурец. Простая деревенская еда пошла на голодный желудок лучше всяких деликатесов, и я так увлекся процессом, что опомнился только тогда, когда отгрыз полкруга. А ведь надо и ребятам оставить, не одним же зерном им питаться. С сожалением убираю еду – только во вкус вошел.

Надо же! Пока жрал – не заметил, как мы свернули с дороги. Опять Пасько вез меня по каким-то тропкам, где кусты царапали бока лошадям, а телега цепляла бортами деревья. Да уж – с таким «сусаниным», как Игнат, мы имеем реальный шанс не попасться на глаза никому.

– Слушай, дед, а ты вот так «по-партизански», лесами, можешь нас к Киеву вывести? – полушутя-полусерьезно (чем черт не шутит?) спросил я.

– Нет, до Киева не выйдет, а вот до Острога – вполне! – серьезно ответил Пасько. – Тут всего-то тридцать километров. И там Красная Армия. По крайней мере – с утра была.

– Хм... Как узнал? – удивился я, торопливо прикидывая варианты.

Тридцать километров – за ночь можно пройти... Ага... ес-

ли ты здоров, а у меня раненые. Все равно – там наши, и можно сбегать за помощью! Неужели вояки откажутся спасать детей? Нам и нужно-то три-четыре грузовика. Ну, пять... И броневик с пулеметом, чтобы по дороге никто не обидел... Блин, какой броневик, если тут немецкие танки шастают? Выходит, и нам в прикрытие танки нужны? Ептыть – это ведь целая войсковая операция получается... Мать-перемать! Вполне могут отказаться. Доказательств-то у меня нет. Мало ли что буровит какой-то подросток? Будь я на месте советского командира, к которому пришел некий подозрительный пацан с требованием спасти «кого-то там», – послал бы, не задумываясь. Тем более что нашим явно не до «спасения рядового Райана» – фашисты прут, как паровой каток. Значит, надо пробиваться самим!

– Так инфа точная?

– Что? – переспросил дед.

– Я говорю: информация верная? – повторил я, проклиная свой дурной язык, с которого постоянно слетали непонятные для окружающих слова.

– Не знаю, – качнул головой старик. – Я слышал, как Панас деревенским сказал: в Остроге краснюки окопались, но скоро германцы их оттуда вышибут.

– Понятно... – огорчился я. – Сообщение агентства ОБС...

– Игорьь, ты иногда очень странные выражения употребляешь! – вполголоса заметил Пасько.

– А... бывает, да... Не обращай внимание, дед! Это шутка такая: ОБС – одна бабка сказала. Да и кто такой этот Панас? Мало ли где и что он услышал? Как его спросить?

– Спросить-то легко, Игорь! – усмехнулся дед. – Вот сейчас остановимся в укромном местечке и поспрашиваем...

– Так это пан староста? – догадался я. – А чего – в укромном? Доехали бы до места, а уж там...

– Эх, Игорь... – вздохнул старик. – Я его хочу допросить с пристрастием! А там дети, как при них?

– Пытать, что ли, собрался? – рассмеялся я. – Любите вы, белая кость, эвфемизмами жопу прикрывать! Впрочем, ты прав – даже если все мои ребята успели на новое место перебраться – шуметь там ни к чему. И так уже по полной засветились.

– Странный ты парень, Игорь... – опять завел шарманку Пасько, но сразу смолк, поняв, что повторяется.

А я через пять минут начал бороться со сном. Он навалился как-то сразу, накрыв, словно тяжелое свинцовое одеяло. Разные факторы сработали в комплексе – тут и откат после многочасовой беготни с нервотрепкой, и сытный ужин, и укачивающее действие транспорта. Глаза не то что слипались, они просто захлопнулись после очередного моргания и уже не желали открываться вновь.

– Дед, нам далеко еще?

– Нет, километр, может, полтора... Правда, по лесу, так что небыстро. Да и с Панасом дела надо порешать... Ты,

смотрю, совсем сонный! Так покемарь, пара часов есть.

Не в силах бороться, я улегся поудобней, пристроив винтовку под рукой, а пистолет перевесив на живот. Отрубился мгновенно, едва успев положить голову на мешок с зерном.

Проснулся от странного звука – в первый момент показалось, что рядом скрипит несмазанная калитка. Проспал я изрядно – небо уже начало светлеть. Телега стояла под «навесом» огромных веток могучего дуба. В натуре пятисотлетнего, а не того, что украшал Татариновку. Беглый обзор местности сразу показал, что такой гигант здесь не один – мы находились на небольшой полянке посреди дубравы. На соседнем дереве вверх ногами висел пан староста. Он и издавал тот неприятный звук, что сработал как сигнал будильника. Приглядевшись, я заметил, что Панас не просто привязан за ноги, а еще и хитро перекручен веревкой на уровне груди. Пасько стоял перед ним и что-то негромко говорил, периодически хлопая его ладонями по ушам.

– Воспитываешь? – душераздирающе зевнув, спросил я, с наслаждением потягиваясь. – Или допрашиваешь?

Пасько оказался настолько увлечен, что не обратил на мой вопрос никакого внимания, продолжая энергично бурчать в перевернутую (и перекошенную от боли) морду старосты. Видя такую занятость, я не стал мешать старику беседовать по душам со своим бывшим односельчанином, решив заняться личной гигиеной. Не торопясь, снял «трофейную» рубашку, снарягу, перепоясался ремнем с пистолетом,

сходил по малой нужде в кустики, потом насобирав в платок росы и протер лицо. Умылся и оправился, стало быть...

Затем снял трофейные сапоги. Ох, ну и амбре! Тонкие хлопчатобумажные носки, бывшие на мне с момента переноса, явно не предназначались для активных многокилометровых прогулок на свежем воздухе, и потому сопрели и начали расплзаться. Стянув с себя эти вонючие тряпочки и отбросив их подальше, я, в качестве водной процедуры, прошелся по мокрой траве и, насухо вытерев ноги полой чужой рубахи, внимательно осмотрел ступни. Опыт подсказывал, что любое повреждение вроде небольшой потертости или опрелости, на которое в мирной жизни не обращаешь внимания (принял душ и заклеил пластырем), в боевой обстановке превратят твою жизнь в настоящий ад. Здесь нет возможности каждый день мыться, менять белье и чистить зубы. И если с запахом изо рта солдат может сохранять боеготовность довольно долго, то язвы на ступнях гарантированно сведут мобильность к нулю.

Так, и что мне делать? Вроде бы во вчерашних немецких трофеях я видел чистые носки и присыпку... Предусмотрительные были гансы... Ну так сумки со столь необходимыми мне сейчас вещами остались на стоянке. До которой вроде бы недалеко... Надеть пока сапоги на босу ногу? А вдруг что-то пойдет не так и мне придется пробежать целый день? Тогда к вечеру я совершенно определенно получу кровавые мозоли, а на следующий день они загноятся. Пустычок вроде

бы, но через три дня я окончательно выйду из строя.

Блин, и чего я мудрю? Вот же на телеге лежит кусок относительно чистой ткани – чужая рубашка. Шаблонность мышления сказывается, раз о чистых носках мечтаю, в упор не видя простого выхода! Сделаю из рубахи портянки, в них даже удобнее, чем в носках.

Обувшись, занялся оружием – проверил «подарок» пана старосты. «Парабеллум» оказался старым, можно сказать раритетным – воронение практически стерлось, а деревянные щечки рукоятки изобиловали царапинами. Все-таки практичные фрицы не стали баловать своего холуя, спихнув ему то, чего не жалко. Механизм затвора при взведении заело в верхней точке. Пришлось ставить его на место ударом ребра ладони по рычагу. К этому времени уже достаточно рассветло, и я решил привести ствол в порядок, тем более что Пасько с Панасом по-прежнему занимались полюбившимся делом: староста скрипел от боли, а дед что-то тихо у него выспрашивал.

Покопавшись в снаряжении, нашел принадлежности для чистки и масленку. Расстелил на мешке остатки рубашки. К разборке приступил не без некоторого опасения – держать в руках эту допотопную машинку мне приходилось, но ковыряться в ней – нет. Наконец, получив по пальцу возвратной пружиной, я победил детище сумрачного тевтонского гения – разложил на составляющие. Вполголоса матеря Борхарда в купе с Люгером за переусложненный, на мой взгляд, меха-

низм, смазал детали, и с трудом, но все-таки собрал. Проверил работу затвора – теперь все двигалось штатно. На всякий случай переснарядил оба доставшихся магазина. Вставил, дослал патрон, поставил на предохранитель. Ну, теперь все в порядке.

Пасько наконец-то закончил разговор с паном старостой и теперь, задумчиво теребя подбородок, смотрел куда-то в лес. Ага, загрузился дед... Ну, не буду мешать, продолжу сборы. Надеваю немецкую португепю, поправляю ремни, подгоняю. Проверяю карабин, боеприпасы, штык-нож. Все в норме.

Блин, я уже готов выдвигаться, а Игнат, как замороженный, любуется восходом. Что ему Панас наговорил?

– Эй, дед! Ехать пора! – напомнил я Пасько о своем существовании. – Слышь, твое высокоблагородие, очнись!

– Что? – Старик вышел из созерцательного состояния и посмотрел на меня, словно впервые увидев.

– Я говорю: двигаться пора! Солнце уже поднимается, а мы здесь застряли! Выпотрошил клиента?

– Как ты сказал? Выпотрошил? Э-э-э... еще нет, – покачал головой Игнат. – Но рассказал он мне много интересного.

– Сам его кончишь или мне помочь?

– Сам, конечно, – усмехнулся старик. – Возьму грех на душу. Такой твари не место среди живых.

И каким-то совершенно будничным движением Игнат вынул из-за голенища нож и чиркнул старосту по горлу. Блин, да дедуля живорез почище меня!

– Поехали, чего встал? – оглянулся на меня старик, забираясь на передок телеги. – Если бы я не видел, как ты ночью мужиков резал, то подумал бы, что ты крови испугался!

Он еще и подкалывает!

– Да я хотел у него карманы обшарить, на предмет патронов к «парабеллуму», а теперь к нему хрен подойдешь – хлещет, как из быка.

– А, ты вот чего... – хмыкнул Пасько. – Садись, поехали! Карманы я уже обшарил. Не обломится больше ничего, там только расческа, сигареты, спички, грязный платок и какой-то документ, именуемый «аусвайс». Ни патронов, ни секретных карт...

– Ну что же... Не жили богато – не хер начинать! – рассмеялся я, садясь рядом со стариком. – Поехали! Правда, я обещал ему медленную мучительную смерть... Нехорошо обманывать!

– Считаю, что обещание выполнил! – деревянным голосом сказал Пасько. – Он три часа, с самой полуночи умирал. Когда я его ножиком чикнул, уже и не дышал почти...

– Хм... Ну ты даешь, твое благородие! Это что же за китайская пытка такая? – заинтересовался я.

– Не, не китайская... Этому меня польские офицеры из Дефензивы научили... В двадцать втором... Два часа обучаю, суки, пока мои ребята на помощь не подоспели. Как выжил – до сих пор удивляюсь! – огорошил рассказом Игнат и добавил после паузы: – Не нужно тебе, Игорь, эти живодер-

ские способы знать. Не нужно, поверь мне!

– Ладно! – кивнул я. – Мы уж по-простому – ножичком. А если надо будет кого-нибудь примучить, как пана старосту, то я тебя позову! Есть у меня еще один кандидат на вдумчивую беседу... Запомни на всякий случай, а то мало ли что... Вдруг не доживу... Топчет нашу землю гнида по имени Хельмут Робски, обер-лейтенант одиннадцатой танковой дивизии.

– Это тот, который?.. – внимательно посмотрел на меня Игнат.

– Да, это он отдал приказ давить танками раненых детей и женщин.

– Хорошо, Игорь, запомню! – серьезно кивнул старик.

Удовлетворившись обещанием, я тоже кивнул и огляделся по сторонам. Ептыть, и как он дорогу находит – складывалось ощущение, что мы едем по непролазному лесу, но телега ни разу не застряла!

Внезапно впереди грохнул винтовочный выстрел. Через секунду еще один. К перестрелке немедленно присоединилось два десятка стволов, а затем заработал пулемет. Судя по звуку – немецкий⁴¹.

– Игорь! Нам до вашего убежища пятьсот метров осталось ехать! Это не по твоим там германы лупят? – озабоченно

---

⁴¹ Скорострельность немецкого пулемета «MG-34» в полтора раза превышает таковую у пулеметов «Максим» и «ДП-27». На слух отличить работу отечественных пулеметов от немецкого довольно легко.

сказал Игнат.

Глава 11

Мы бросили телегу и рванули через лес бегом. Пока я летел, каким-то чудом не спотыкаясь о корни и не путаясь в буреломе, в голове билась одна-единственная мысль: «Успели уйти или нет?»

На опушку выскочил всего через пару минут после старта. Старик безнадежно отстал. Одного взгляда на развернувшееся передо мной поле боя достаточно, чтобы понять – гоняют не моих. Лесок между оврагом-убежищем и разбитым поездом – слева, примерно в семистах метрах. Нас разделяет широкая низина с проходящей по дну проселочной дорогой. Дальше грунтовка выныривает из низины и тянется на юго-восток, повторяя направление «железки». Слева от дороги гречишное поле, на дальнем конце которого вчера подобрали старшину Петрова и бывшего сержанта Гончарука. На том месте я потом выставил пост, чтобы встретить возвращающихся с таинственного задания подчиненных Петрова. И, похоже, они все-таки вернулись...

Можно предположить с большой вероятностью, что группа наших бойцов двигалась через поле к оврагу, служившему нам укрытием. И их засекли проезжающие по дороге немцы. Фрицы численностью до полусотни, растянувшись короткой цепью, лупили в одну точку – туда, где метрах в трехстах от проселка посреди гречихи торчали несколько молоденьких

березок.

Стреляли фашисты спокойно, размеренно, как на полигоне. Не опасаясь ответного огня, стояли в полный рост, даже не пытаюсь укрыться за бронетехникой.

Немецкая колонна, состоящая из трех полугусеничных бронетранспортеров, десятка мотоциклов и шестиколесного броневика с каким-то непонятным навесом на крыше, стояла на правой обочине. Непосредственно в бою принимал активное участие только один БТР, с которого короткими очередями бил пулемет. Присмотревшись, я неожиданно обнаружил стоящий немного в стороне танк. Он тоже бездействовал, только торчащий в верхнем люке танкист периодически прикладывал к глазам бинокль, видимо, оценивая результаты стрельбы своих пехотинцев.

Возможно, что именно этот офицер, прикинув итоги стрелковых упражнений, отдал команду остановить перевод боеприпасов. А может, это сделал другой. Но выпустив еще по паре пуль, фашисты слаженно прекратили огонь. По всему было видно, что они чувствовали себя в полной безопасности – сразу повесили карабины на плечи, начали перешучиваться и смеяться. Отработали они неплохо – молодые березки, торчащие посреди гречихи, срублены практически под корень. И если за ними кто-то прятался... то вряд ли выжил.

К этому времени я, прячась за деревьями, сместился вдоль опушки вправо, заходя фашистам во фланг и тыл. Те-

перь до крайнего из них было метров семьдесят. Однако стрелять немцам в затылок не торопился – вдруг пронесет, и они поедут дальше по своим делам. Явно ведь случайно тут тормознули. Я хоть и поклялся убивать этих тварей без разбора, но все-таки был человеком опытным и знал, что лезть в одиночку на полсотни врагов под прикрытием бронетехники – глупость, граничащая с идиотизмом.

Совсем рядом со мной выскочил из леса Пасько. Старик запаленно дышал, с хрипом выталкивая воздух из легких. Но винтовку держал наизготовку.

– Дед! – тихонько окликнул я его. – Давай сюда!

Игнат, пригнувшись, подобрался ближе и залег за стволом поваленного дерева, высунув между ним и землей самый кончик винтовочного дула.

– Что тут было?

– Видать фашисты среди гречихи кого-то заметили и всем взводом по ним отработали. А сейчас, видимо, решают – дальше ехать или сходить проверить... – Два офицера действительно обсуждали что-то между собой, периодически показывая руками на поле. Через несколько секунд дискуссия закончилась – прозвучала команда, которую я из-за большого расстояния не разобрал. Но зато мы сразу увидели ее выполнение: от немецкой цепи отделилось десять человек, двинувшихся вперед.

– Понятно... Группа контроля... – прокомментировал я увиденное. – Если там хоть кто-то в живых остался...

Договорить я не успел – события неожиданно понеслись вскачь. Из гречихи одновременно ударили сразу несколько стволов. Судя по высокой плотности огня, работали три-четыре самозарядные винтовки и пара пулеметов. Контрольную группу немцев смело в считанные секунды – они даже залечь не успели. Затем невидимые стрелки перенесли огонь на остальных – и, пока гансы врубались, успели поразить еще полдесятка.

Уцелевшие фашисты все-таки залегли и открыли ответный огонь. С бэтэеров заработали пулеметы. Еще минута, может, две, и немчура окончательно оправится от шока. Растянутся пошире, охватят с флангов, а потом, под прикрытием брони, сделают рывок и забросают гранатами. Если к тому моменту еще кто-то будет сопротивляться.

Ну, что же... Вот теперь наступила моя очередь вмешаться. С моей позиции пулеметчики, стоящие у турелей в БТР, видны как на ладони. И дистанция самая подходящая – от ста до двухсот метров.

– Дед! Я работаю по пулеметчикам, а ты страхуешь! Бей тех, кто назад оглядываться начнет! Особенно следи за танком!

Спокойно целюсь. Выстрел! Первый готов! Переношу прицел на второй бэтээр. Выстрел! Второй готов! Рядом стреляет Игнат. Куда это он? Ага, в первом бэтээре на смену убитому вылез второй номер расчета. И получил свое. Работаем дальше! Есть третий! Пасько четко отрабатывает

вторых номеров. Так... Теперь танкист – вон как он башкой вертит, к биноклю прилип. Правда, до него подальше будет – около трехсот метров. На таких дистанциях я без оптики не работал. Если только на подавление... Ну ничего, когда-то надо начинать! Угу, прицел регулировать не надо – насечки на планке идут с шагом в сто метров, но первое деление приходится на четыреста. Значит, до этого – дистанция прямого выстрела. Ветра вроде нет – трава и ветки деревьев почти не колышутся. Ну, с богом!..

Бах! Приклад жестко толкает в плечо. Торчащему в башенном люке офицеру я, на всякий случай, целился в корпус, но попал точнехонько в голову. Пилотка и наушники полетели в разные стороны, а сам танкист медленно сполз вниз. Ну, сейчас начнется... Камрады решат отомстить за смерть командира и примутся поливать огнем опушку леса. Надеюсь, что, пока они будут охотиться на нас, зажатые на гречишном поле ребята попробуют оторваться.

Но тут немцы несказанно меня удивили – танк рванулся с места на большой скорости и дернул по дороге на юго-восток. Вслед за ним немедленно сорвался и броневик с «навесом». Это что же? Мы их так напугали? Видимо, торопливое бегство «флагмана» с «адъютантом» поразило не только меня – лежавшие в цепи пехотинцы прекратили огонь и даже начали привставать, чтобы получше разглядеть волочащийся за танком хвост пыли.

– Дед! Беглый огонь! – я решил воспользоваться расте-

рянностью противника.

И мы с Игнатом принялись лихорадочно посылать пуля за пулей по врагу. Торопились, мазали, но все-таки успели свалить еще шестерых. И почти одновременно с нами по фрицам короткими очередями ударил пулемет с левого фланга. Секундой позже оттуда же захлопали две винтовки. Кто бы это мог быть? Присмотревшись, я понял – стреляют с того места, где я вчера определил позицию для старшины Петрова. Так, значит, это он... Дождался удобного момента и врезал. А ассистируют ему мои товарищи-комсомольцы. И неплохо так работают ворошиловские стрелки – в первые секунды завалили человек пять-семь.

Надо отдать должное немчуре – в резко изменившейся остановке, обстреливаемые с флангов и тыла, они быстро пришли в себя. И начали отвечать по полной. К этому моменту их уцелело десятка два, и фрицы принялись перегруппировываться, организуя круговую оборону. В нашу сторону развернулись пятеро. Одного успел свалить я, второго Игнат. И... нам пришлось в спешке отползать в глубину леса под настоящим градом пуль. Блин, вот ведь... вояки, мать их арийскую за ногу... И как они умудряются развивать такую скорострельность из оружия с продольно-скользящим затвором?

Поменяв позицию, мы с Пасько сделали еще по паре выстрелов и добились еще одного попадания. И снова фрицы засекли нас и накрыли из двух стволов. Я сообразил, что дол-

го так продолжаться не может – ситуация сложилась патовая, но время играло против нас. Образно говоря, мы схватили медведя за лапы и теперь не могли его ни добить, ни отпустить. Добить – не способны чисто физически – нас меньше, они даже после потерь сильнее нас. А если чуть ослабить хватку, немного убавить интенсивность обстрела или вообще попытаться свалить – гансы мгновенно доберутся до своих бронетранспортеров, догонят и порешат нас. К тому же в любой момент к фашистам могло подойти подкрепление, а вот приход какой-либо помощи к нам маловероятен.

Нужно срочно переломить ситуацию в нашу пользу. Но как? Да, блядь, атаковать этих тварей и забросать гранатами! У меня две колотухи – попаду удачно, немцев станет на десяток меньше. А если еще и к пулемету в бэтээре прорваться... Размечтался, блин! Так они и подпустят тебя на бросок гранаты. Нет, надо втихаря! Я снова оглядел поле боя. На этот раз очень внимательно, ища малейшую возможность подкрасться к немцам. Угу... А если пройти по опушке метров триста, то можно оказаться напротив того места, где стоял танк? Там от деревьев до ближайшего бронетранспортера метров пятьдесят и часть скроют кусты! Надо рискнуть, иначе из этой переделки не выкрутятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.